

июль—август 2019

Свобода

журнал
Никиты Михалкова

ЭПОХА ВЕРЫ

Большой стране —
большой стиль

**Перо и сабля —
все при нем**

Поэт, рубака, патриот
Денис Давыдов

**Не лыком шиты —
золотом**

Как новоторы свой
промысел сберегли

**У каждого мгновенья
свой резон...**

Вспоминаем
Татьяну Лиознову

КТО ИЗ НАС не заметит явной и всеобщей ненависти к России чужеземных историков, журналистов и большей части писателей? Везде, где коснутся они России, ее государей, вождей, народа и войска, везде возводят на них клеветы. Не благоразумнее ли поступили бы враги наши, если б к общему ополчению гортаней и перьев присоединили бы и логику.

Денис Давыдов (1784–1839)

ежемесячное приложение
к газете «Культура»

июль—август 2019

ЖУРНАЛ ДЛЯ ПРОСВЕЩЕННОГО КОНСЕРВАТОРА ОТ НИКИТЫ МИХАЛКОВА

2	Слово издателя
Дело надо делать, господа	32–35	Война и мир
«Вальс» побежденных
3–7	Наука побеждать
Это было под Гангутом	36–39	Символ веры
Гроза язычников, заступник ВДВ
8–11	Русский след
И кто тут владычица морей?	40–43	Забавы молодецкие
Под крылом «Совы»
12–16	Родное слово
Перо и сабля — все при нем	44–47	Люди и вещи
Качнется купол в небе
17	Книжная палата	48–53	Страна мастеров
Не лыком шиты — золотом
18–21	Дом Романовых
Как уходили великие	54–57	Столица и усадьбы
Село Ивановское и его обитатели
22–24	Званный гость
Валентин Лавров:
«Бунин презирал смутьянов
и бездельников»	58–63	Стоп-кадр
У каждого мгновенья свой резон...
25–31	Великие реалисты
Эпоха Веры	64	Трапезная
Культурный слой

Председатель редакционной коллегии: Елена Ямпольская

Шеф-редакторы: Ксения Позднякова, Наталья Семина. **Ответственный секретарь:** Сергей Громов

Отдел распространения: +7 (495) 602-5512

Редакция: +7 (495) 662-7222

«СВОИ» журнал Никиты Михалкова. Приложение к газете «Культура». Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) Свидетельство ПИ № ФС77-57665 от 18 апреля 2014 г.

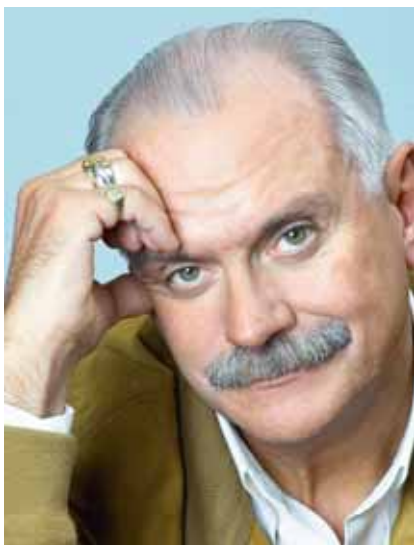
Адрес редакции: 127055, Новослободская ул., 73, стр. 1

Отпечатано в соответствии с представленными материалами в ООО «Парето-Принт», Тверская область, Калининский район, Бурашевское сельское поселение. Торгово-промышленная зона Боровлево-1, 3А. Тверь 170546, www.pareto-print.ru

Номер заказа: 04357/19

Тираж 39 500

Подписано в печать 17 июня 2019 г.

Дело надо делать, господа

С недавних пор стало «хорошим тоном», особенно среди журналистов и видеоблогеров, потешаться над невежеством молодых людей, над тем, что многие из них не знают элементарных вещей, касающихся истории, литературы, географии, родного языка. На мой взгляд, это совсем не смешно. Тем более что бедственное положение у нас не только в образовании, деградация затронула самые разные стороны жизни молодежи.

В конце XX столетия под руинами СССР было погребено многое из того, что составляло и его очевидные недостатки, и несомненные достоинства. В том числе — отлаженная десятилетиями система молодежной политики.

Лично мне нравилось в ней далеко не все: раздражала вездесущая пропаганда «ленинских принципов», в которые не верили даже сами пропагандисты, слишком неестественной казалась манера общения с подопечными «старших товарищей». И тем не менее со своими основными задачами — всеобщего обучения, гражданского воспитания, обеспечения всем необходимым для нормального досуга — государство неплохо до поры до времени справлялось.

Можно ли было в те годы, к примеру, предположить, что вооруженный, «разочаровавшийся в жизни» русский юноша однажды придет в техникум или школу и примется хладнокровно убивать соучеников и преподавателей? А разве кто-то мог себе представить, что спустя век после «республики ШКИД» у нас настанет «время АУЕ»? (Аббревиатура, означающая «арестантский уклад един», сегодня удивительно популярна у российских школьников; они копируют в своей среде иерархию уголовников-рецидивистов и даже собирают со сверстников взносы на лагерный «общак».)

Если бы в советское время мне сказали, что школьное образование из обязательного для всех превратится в некую «услугу», а воспитание подрастающих поколений станет исключительной прерогативой родителей, то я бы счел, что меня просто-напросто разыгрывают. То, что тридцать лет назад не могло присниться и в кошмарном сне, ныне уже почти никого не смущает.

К этой больной теме в своих авторских программах и выступлениях я возвращаюсь постоянно. Рассказываю, конечно же, и о том положительном, что есть в молодежной политике государства уже сейчас. На мое имя приходит огромное количество писем с откликами, в том числе от тех, кто способен реально влиять на положение дел в стране. Однако молодежные проблемы настолько серьезны, что говорить об их скором разрешении пока не приходится.

В прошлом году мне предложили стать наставником движения «Юнармия». Я сказал, что почту за честь, а собственную миссию вижу в том, чтобы ненавязчиво, понятным для современной молодежи языком передавать им свои знания, понимание родной истории, чувство причастности к многогранной культуре, великой литературе, героическому и самобытному пути, пройденному Россией за много веков, — то есть заниматься тем, что называется «патриотическим воспитанием».

Верю ли в конечный успех? Как сказал один из персонажей Чехова: «Надо, господа, дело делать». Будем следовать этому совету — все у нас получится.

A handwritten signature in black ink, appearing to be the name of the author, written in a cursive style.

Гравюра И. Зубова
«Петропавловская крепость». 1716

ФОТО: РИА НОВОСТИ

Это было под Гангутом

Историческая и архитектурная достопримечательность Санкт-Петербурга Пантелеимоновская церковь XVIII века является памятником военно-морской славы России. Еще одно предназначение храма свидетельствует о том, что в день св. великомученика Пантелеимона, целителя и покровителя врачей, русские моряки одержали 305 лет назад знаменательную, записанную золотыми буквами в летопись Отечества победу.

Валерий Шамбаров

ШЛА ДОЛГАЯ, тяжелая Северная война. Под Полтавой погибла прежде считавшаяся непобедимой армия Карла XII. Тем не менее Швеция упрямо отказывалась признать поражение, заключить мир, уступить русским выход к Балтийскому морю. Ее флот по количеству и мощи боевых кораблей считался четвертым в Европе (после Англии, Франции, Нидерландов), а на Балтике, бесспорно, первенствовал.

Петр I рассчитывал на поддержку созданной им коалиции — Дании, Пруссии, Речи Посполитой, Саксонии. Повел наступление на шведские владения в Германии, планировал высадку войск на исконной территории врага. Союзники откровенно двурушничали. Пеклись лишь о собственных интересах, действовали вяло, пассивно, совместные операции всячески саботировали, срывали.

Вдобавок ко всему вмешались Англия, Австрия и Нидерланды, которые завязывали вокруг конфликта еще один узел интриг — под предлогом миротворчества. Фактически — подыгрывали шведам, стараясь прикрыть их, избавить от новых сокрушительных ударов.

В такой обстановке русским, как и практически всегда, приходилось рассчитывать только на собственные силы. Быстро строился Балтийский флот, сходили со стапелей корабли. Однако ставить все на карту в генеральном морском сражении, рисковать любимым детищем Петр не желал, выбрал более осторожную стратегию. Развернув наступление вдоль побережья Фин-

А. Боголюбов. «Сражение при Гангуте 27 июля 1714 года», 1877

Ф. Апраксин

Петр I

ляндии, продвигаясь все дальше на север, он надеялся таким образом подтолкнуть неприятеля к миру.

Летом 1714-го в море вышла флотилия генерал-адмирала Федора Апраксина: 99 легких галер и вспомогательных судов. Задача сводилась к обеспечению своих сухопутных сил. Флотилия должна была отвезти в Або подкрепления — 15 000 солдат. В походе участвовал и царь, «шаутбенахт Петр Михайлов».

Шведы решили воспользоваться собственным превосходством на море и разгромить караван. Как только суда Апраксина остановились в бухте Тверминне, у юго-восточного берега полуострова Хангут (Ханко), и началась высадка войск, появилась могучая эскадра адмирала Ваттранга: 15 линейных кораблей (на каждом от 50 до 74 орудий), 7 фрегатов, прамов, бомбардирских кораблей (от 18 до 30 пушек), с десятков легких плавсредств. Они зажали русских в бухте. С одной сто-

роны встал, перекрыв прибрежный фарватер, отряд самого Ваттранга. С другой — 10 крупных кораблей под командованием вице-адмирала Лилье. Вступать в сражение было бы для наших самоубийством, шведы просто расстреляли бы вооруженные малокалиберными пушками галеры. Прорываться пришлось бы под перекрестным огнем, с огромными потерями. Ваттранг и его подчиненные уже предвкушали победу.

Для спасения, казалось бы, обреченной флотилии Петр приказал строить волок через гангутский перешеек (шириной 2,5 км), оборудовать настилы, катки, чтобы галеры можно было перетащить с юго-восточного берега на северный. Действительно ли царь надеялся таким способом эвакуировать корабли, как утверждают историки? Сомнительно. Скорее — пытался перехитрить шведов.

Закупорить намеченный Петром коридор было очень легко, что и

сделал Ваттранг. Он выслал к северному берегу отряд контр-адмирала Эреншельда: 18-пушечный прам «Элефант», 6 галер и 3 шхербота.

Есть основание предполагать, что царь Петр этим маневром с волоком отвлек внимание неприятеля, усыпил его бдительность, заставил разделить силы. Наши моряки дождались полного штиля, во время которого парусные гиганты оказались обездвиженными. Авангард командора Матвея Змаевича, состоявший из 20 гребных корабликов, ринулся на прорыв, обходя вражескую эскадру и держась вне досягаемости ее артиллерийского огня. За ним последовал второй отряд из 15 галер и скампавей. Ваттранг задержался, счел, что и оставшая часть нашей флотилии будет пробиваться тем же курсом. Свои корабли он стал перемещать так, чтобы заблокировать русским путь к спасению. Но при этом открылся прибрежный фарватер, и Апраксин

направил основные силы в распахнувшийся коридор.

Пока командование противника было занято собственными передвижениями, силясь все же не выпустить чужие суда из «западни», авангард Змаевича обогнул полуостров и запер в бухте отряд Эреншельда — тот самый, который караулил «волок».

7 августа (27 июля) 23 легких корабля русских ринулись в бой. В литературе утвердилась такая версия: пару атак шведам удалось отразить, и только третья стала успешной. Однако доктор исторических наук Павел Кротов убедительно показал: сражение было одно, зато упорное и жестокое. В нем участвовал царь Петр, возглавивший взятие неприятельских судов на бордаж, подавший офицерам и матросам пример личного мужества. В результате 10 шведских кораблей оказались захвачены, а опозорившийся Ваттранг предпочел увести эскадру.

Масштабы сражения по сравнению со многими другими историческими битвами были невелики: скандинавы потеряли 18-пушечный прам и 9 гребных судов. Крайне важно то, что Петр и его моряки мастерски переиграли шведскую эскадру, спасли флотилию и превратили, казалось бы, неминуемо, поражение в успех — первую большую победу русского регулярного флота.

Ее торжественно праздновали и в Санкт-Петербурге, и по всей России. Для рабочих Партикулярной судовой верфи государь построил у истоков Фонтанки часовню во имя св. великомученика Пантелеимона, поскольку Гангутское сражение случилось в день памяти святого целителя.

Для шведов то фиаско не стало сокрушительным, однако и пренебрегать значением Гангута несправедливо. Виктория отозвалась громким эхом на международной арене. Ненадежных союзников России ее морская победа не обрадовала, а переполошила, подхлест-

нув страхи, связанные с утверждением нашей страны на Балтике. Англия и вовсе принялась активно помогать шведам, опутывала их своей дипломатией, тайными интригами, лишь бы продолжали войну.

Русских моряков успех окрылил. Они осмелели, обрели уверенность в себе, стали совершать крейсерские походы, угрожая берегам Швеции, нарушали морские перевозки. Даже Карл XII, не так давно рвавшийся захватить Москву, стал понимать: войну пора заканчивать. Петр был не против.

В 1718 году для выработки мирного договора между Россией и Швецией открылся Аландский конгресс. Но при осаде одной из крепостей в Норвегии был убит Карл XII. По характеру раны сразу же возникли подозрения: пуля прилетела не из крепости, ее пустил кто-то из «своих», с близкого расстояния. Последующие события данную версию подтвердили.

В Стокгольме, по сути, произошел государственный переворот. Наследницей погибшего короля считалась его сестра Ульрика Элеонора, которую вынудили уступить престол мужу, Фридриху Гессенскому. Было упразднено самодержавие, власть перераспределялась в пользу парламента. А там у руля оказалась пробританская партия. Главный сторонник мира с Россией Георг Генрих фон Герц был схвачен, обвинен в измене и казнен. Переговоры сорвались.

Англия и Ганновер теперь уже официально вступили в союз со Швецией, а русских постарались оставить в международной изоляции. При посредничестве британцев наши вчерашние партнеры — Дания, Пруссия, Саксония с Польшей — заключили со шведами сепаратный мир.

К антирусской коалиции примкнула Австрия. Король Речи Посполитой и саксонский курфюрст Август повел переговоры о союзе со Швецией и Австрией. В польском сейме уже зазвучали вопиющие призывы отобрать у русских Смоленск, Киев, Левобережную Украину.

Но наша страна и с этими проблемами справилась, причем в одиночку, без союзников. Балтийский флот действовал все более решительно. В мае 1719-го отряд капитан-командора Яна Вангофта арестовал 13 шведских торговых судов. Эскадра капитана Наума Сенявина встретила возле острова Эзель неприятельский линейный корабль, фрегат и бригантину: атаковала и заставила сдаться. Балтийское море становилось русским.

В июле 1719-го наш флот высадил десанты в Швеции — 26 тыс. солдат. Они громили заводы, фермы, городки, появлялись в 15 км от Стокгольма. Штурмовать столицу не стали, просто показали — она досягаема.

В шведском правительстве и риксдаге после этих ударов становилось все больше образумившихся и протрезвевших. Скандинавский народ роптал: не пора ли мириться? В тот момент Англия сумела удержать Швецию

ФОТО: СЕРГЕЙ ПЯТАКОВ/РИА НОВОСТИ

от подобного шага, науськивала поднапрячься, сулила кредиты, непосредственную военную поддержку, заверяла, что не позволит Петру I повторить десанты. К тому же прислала флот, который вместе со шведским ходил по Балтике и обстреливал принадлежавшее русским побережье Эстонии (британские корабли опасались приближаться к крепостям, батареям и морским базам, порушили какие-то сараи и бани, и над этим зело потешались при царском дворе).

В 1720-м высадка наших десантов возобновилась. Чтобы воспрепятствовать ей, неприятельское командование выслало линейный корабль, 4 фрегата и 9 мелких судов под началом адмирала Шеблада. Причем прикрывала их еще одна эскадра, британская. Возле острова Гренгам шведы обнаружили состоявшую из мелких гребных суденышек флотилию князя Михаила Голицына: 52 малокалиберные пушки на всех. У противника было 156 орудий куда более солидного калибра. Русские притворились, что удирают. Шведы азартно устремились в погоню, растянулись, нарушив строй, и их заманили в узкий мелководный пролив.

Затем наши неожиданно для врага развернулись и бросились в атаку. При попытках маневрировать все фрегаты один за другим сели на мель, в жарком бою их взяли на бордаж. Избежал печальной участи только линейный корабль: бросив якорь, сумел развернуться на месте и ушел восвояси. Англичане благоразумно не полезли в пролив, им оставалось лишь любоваться со стороны, как русские штурмуют и берут в плен 4 фрегата новоиспеченных союзников.

После этой победы и очередных десантов на шведскую землю даже самые упорные сторонники войны в Стокгольме убедились: близка катастрофа. Переговоры возобновились, и 10 сентября (30 августа) 1721 года был заключен Ништадтский мир. Россия получила все, чего до-

бывалась: земли на Ладоге и Неве с Петербургом, Карелию и прилегающие финские районы, Эстляндию и Лифляндию. Твердо встала на берегах Балтийского моря, которые сама же отвоевала. А на месте Пантелеимоновской часовни Петр I повелел строить храм во имя того же святого, заверченный и освященный в 1722-м, ведь морская победа у острова Гренгам была одержана в тот же день, что и Гангутская, 7 августа (27 июля).

В наше время эта церковь, повторяется, является и православной святыней, и мемориалом воинской

славы. К памятным знакам, посвященным сражениям у Гангута и Гренгама, в XX веке добавились символы героической обороны полуострова Ханко (тот же Гангут) в 1941-м.

Что ж, все справедливо, бойцы Великой Отечественной достойно продолжили традиции тех, кто сражался в Северной войне. Да и бились они, если вдуматься, за то же самое: за честь, славу и мир для родной страны, за то, чтобы Россия чувствовала себя на Балтике как дома, сохранив обретенное предками.

Пантелеимоновская церковь в Санкт-Петербурге

ФОТО: РУСТАН ШАМУКОВ/ТАСС

Русский след

И. АЙВАЗОВСКИЙ. «ЛЕДЯНЫЕ ГОРЫ В АНТАРКТИДЕ». 1870

И кто тут владычица морей?

Елена Мачульская

Великий путешественник Федор Конюхов, завершивший недавно свое беспрецедентное плавание в южных широтах, в одной из написанных им для детей книг специально указал: «Открыли ее не испанцы, не англичане и не американцы. Честь открытия последнего нового материка на планете принадлежит нашим соотечественникам — отважным русским мореходам». В путь они отправились из Кронштадта ровно двести лет назад.

Только «Мирный» и «Восток»

Загадочную южную землю — Terra Australis Incognita — начали изображать на картах задолго до того, как ее достиг первый корабль. Очертания неведомого берега зависели исключительно от фантазии картографа, там нередко изображали горы, леса и реки...

В 1770 году географ британского Адмиралтейства Александер Далримпл написал труд, где утверждалось, что население таинственного континента превышает 50 миллионов человек.

Его искали многие мореплаватели, принимали встреченные архипелаги за мысы или полуострова этой земли. Однако достичь ее впервые удалось русской антарктической экспедиции, вышедшей из Кронштадта в июле 1819 года. Это произошло спустя десятилетия после того, как знаменитый британец Джеймс Кук, не сумев пробиться через преградившие ему путь ледяные поля, заявил: «Риск, связанный с плаванием в этих необследованных и покрытых льдами морях в поисках Южного материка, настолько велик, что ни один человек никогда не решится проникнуть на юг дальше, чем удалось мне. Земли, что могут находиться на юге, никогда не будут исследованы».

Окрыленная победой над Наполеоном Россия осознала себя и как великая морская держава. С проектами антарктического похода почти одновременно выступили несколько человек. Иван Крузенштерн отмечал особо: «Командир приуготовляемой экспедиции должен пройти к югу далее, нежели что было возможно для Кука».

То была главная задача, но не единственная: «Сия экспедиция должна особенно иметь в предмете проверить все неверное в южной половине Великого океана и пополнить все находящиеся в оном недостатки, дабы она могла признана быть... заключительным путешест-

вием в сем море. Славу такового предприятия не должны мы допускать отнять другим у нас».

Смелый проект получил одобрение Александра I. Наиболее подходящими для выполнения сложнейшей миссии были сочтены шлюпы, трехмачтовые военные корабли. На крайний юг отправлялись два судна — «Восток» и «Мирный».

С набором экипажей особых проблем не возникло. «Невзирая на трудности и опасности, каковых надлежало ожидать в предназначенном плавании, число охотников из офицеров было так велико, что мы имели немалое затруднение в избрании», — писал впоследствии руководитель экспедиции Фаддей Беллинсгаузен. Будучи уроженцем балтийского острова Эзель, этот повидавший и испытывавший многое капитан, говорил о себе так: «Я родился среди моря; как рыба не может жить без воды, так и я не могу жить без моря». Он участвовал в первом русском кругосветном плавании на корабле «Надежда» под руководством Крузенштерна. Командир шлюпа «Мирный» Михаил Лазарев был участником другой славной кругосветки — на корабле «Суворов».

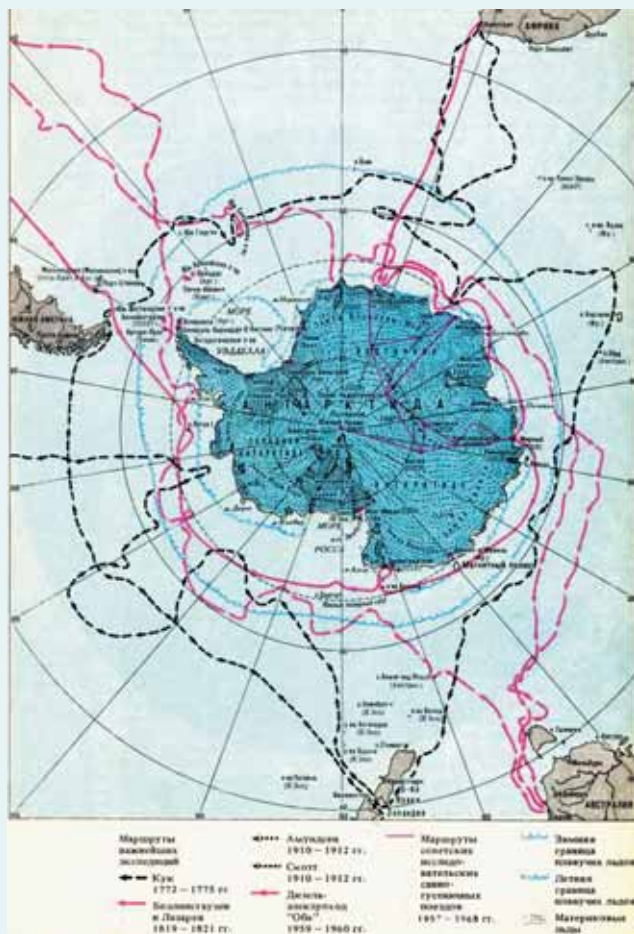
«Восток» и «Мирный» направились в неведомое. От русских мореходов требовалось «продолжать свои изыскания до отдаленной широты, какой только можно достигнуть», прилагая «всевозможное старание и величайшее усилие для достижения сколь можно ближе к полюсу, отыскивая неизвестные земли». Таких земель суждено было открыть три десятка — 29 островов и один огромный континент.

Корабли шли через диковинные моря, где свечение воды «поражает зрителя; он видит на небе бесчисленное множество звезд и море, освещенное зыблящимися искрами, которые по мере близости шлюпов становятся ярче и в струе за кормою образуют огненную реку» (Беллинсгаузен). Весьма часто встречались диковинные животные, например, моллюски «прекрасного синего цвета, подобного синей фольге».

Соревнуясь с Куком

Опытный моряк, Фаддей Фаддеевич прекрасно понимал, что в пути может произойти все что угодно. Поэтому на подходах к острову Южная Георгия «приказал господину Лазареву принять на шлюп «Мирный» жалованье на двадцать месяцев и на такое же время порционных денег, дабы в случае какого-либо несчастья со шлюпом «Восток» господа офицеры и служители «Мирного» не оставались без удовлетворения».

«Теплота приметно уменьшилась», показали плавающие ледяные острова. А также участки суши, которые на картах не значились. Неподалеку от Южной Георгии, которая, по словам мичмана Павла Новосильского, возвышалась «как исполин в черной броне, с убеленной главой, как грозный передовой страж таинственного Ледовитого моря», русские моряки откры-

ли архипелаг. Его назвали в честь морского министра маркиза Ивана де Траверсе. Отдельным островам дали имена офицеров, участников экспедиции.

Затем путешественники подошли к открытой Куком Земле Сандвича и скоро выяснили: это тоже архипелаг. «Не вымарывая имя Сандвича», дали ему название — Южные Сандвичевы острова. Открыли также подводный горный хребет, который теперь называется Южно-Антильским. Предполагается, что он может являться продолжением наземной гряды Анд.

Недостижимый материк в те времена часто становился сюжетом фантастических романов, реальный путь к нему оказался не менее фантастичным. Корабли лавировали среди ледяных глыб самой причудливой формы. «Шум буруна, разбивающегося на льдины, с криком пингвинов производил неприятное чувство». «Во время поворота, когда паруса заполаскивало и приводило весь такелаж в движение, падали с оною лдяные сосульки и лед, намерзший около снастей; обмерзшие веревки казались продернутыми сквозь стеклярус».

И вот в январе 1820-го обозначенный Куком предел миновали, прошли мимо Саутерн-Гуле, названного англичанами по аналогии с мифическим островом. (Его — Гуле — древнегреческие географы располагали на противоположном краю света.) Русские, в отличие от британцев, не называли свою страну «владычицей морей», однако выполнить задачу, которую Джеймс Кук считал неразрешимой, смогли именно наши моряки.

Беллингаузен свидетельствует: «Продолжая путь на юг, в полдень... мы встретили льды, которые представлялись нам сквозь шедший снег в виде белых облаков». Пройдя еще две мили на юго-восток, экспедиция оказалась в сплошных льдах, вокруг простиралось «ледяное поле, усеянное буграми». Корабли тем временем подошли

Ф. Беллингаузен

ФОТО: ИТАР-ТАСС

М. Лазарев

ФОТО: ИТАР-ТАСС

к побережью «льдинного материка» — более века спустя норвежские китобои назовут его Берегом Принцессы Марты.

«Кук задал нам такую задачу, что мы принуждены были подвергаться величайшим опасностям, чтобы, как говорится, «не ударить лицом в грязь», — признавался позже своему другу Лазарев. — Пробегая между льдинными островами в ясную погоду, забирались иногда в такую чащу, что в виду их было в одно время до полутора тысячи, и вдруг ясный день превращался в самый мрачный, ветер крепчал и шел снег».

Русские корабли еще четыре раза подходили к загадочному матерiku. Порой он виделся более

четко. «Здесь за ледяными полями мелкого льда и островами виден материк льда, коего края отломаны перпендикулярно и который продолжался по мере нашего зрения, возвышаясь к югу, подобно берегу», — сообщал Беллингаузен. Пристать к берегу по-прежнему не было никакой возможности. Таинственная земля в полном соответствии с канонами сказок и утопий вновь и вновь ускользала от тех, кто пытался ее достигнуть. Окончательно подтвердить, что Антарктида — материк, удалось только в середине XX века, для чего потребовались длительные исследования. Оказалось, что шестой континент не имеет постоянных границ и размеров — те меняются в зависимости от сезона.

Со вкусом пингвина

Фаддей Фаддеевич отечески заботился о вверенных ему людях, о чем позже в отчете рассказывал: «В каждый праздник все одевались в праздничное платье; в торжественные дни сверх обыкновенной порции производилась свежая свинина с кислую капустой, пунш или грог и вино. Доставляя, таким образом, удовольствие, я отвращал уныние и скуку, которые могли родиться в столь продолжительное время единообразия и опасности, когда льды, непрерывный снег, туманы и слякоть были нашими спутниками».

Чтобы пополнить запасы воды, лед от огромных глыб откалывали выстрелами из корабельных пушек. «Ловля пингвинов всех занимала и доставляла свежую пищу, которая была приготавливаема пополам с солониною в братской кашнице и приправлена уксусом». Витамина С в их рационе было предостаточно, квашеной капусты хватало, так что цингой никто не заболел.

Несколько раз моряки видели южное полярное сияние: «весь небесный свод покрыт был радужного цвета полосами, со скоростью молнии извилисто пробегающими

от юга к северу и переливающимися из цвета в цвет». Однажды оно спасло мореходов от бедствия, помогая благополучно миновать неразличимый в снежной мгле «льдяный большой остров».

Когда антарктическое лето закончилось, корабли направились в австралийский Порт-Джексон, чтобы произвести ремонт и пополнить запасы. В мае «Восток» и «Мирный» вышли в тропическую часть Тихого океана, и там, в архипелаге Туамоту, открыли группу островов (Беллинсгаузен назвал их островами Россиян). Каждый из них получил имя одного из известных русских полководцев и мореплавателей. Кстати, Фаддей Фаддеевич за много лет до Чарльза Дарвина выдвинул гипотезу о происхождении кораллов: «Коралловые острова и мели тихо воздвигнуты малыми черепокожными, в течение многих веков».

Осенью 1820-го экспедиция вновь отправилась к «льдинному матерiku». На сей раз Беллинсгаузен и Лазарев четыре раза, от разных пунктов, шли на юг, пытаясь добраться до антарктического побережья. Русским морякам удалось, по сути, немислимое: они прошли по доселе непроходимым ледовитым морям, выдержали жестокий шторм при «такой великой мрачности, что едва на 30 сажень можно было видеть». В один из январских дней 1821 года «из облаков блеснуло солнце, и лучи его осветили черные скалы высокого, занесенного снегом острова». Тот был назван именем основателя русского флота Петра I. Затем с «Мирного» увидели «очень высокий мыс, который соединялся узким перешейком с цепью невысоких гор, простирающихся к юго-западу». В честь одобрившего идею антарктической экспедиции императора новые территории были на-

званы Землей Александра I. (Другие мореплаватели достигли этих островов почти через столетие.)

А после вмешались обстоятельства непреодолимой силы, выяснилось, что «Восток» нуждается в капитальном ремонте: шлюп, спроектированный английскими инженерами, оказался недостаточно прочным для путешествия среди льдов.

Впрочем, на обратном пути наша экспедиция совершила еще одно открытие, выяснив, что «Новая Шетландия», которую англичане наблюдали с борта корабля в 1818 году, является гористым архипелагом. Южные Шетландские острова получили названия в память о сражениях против наполеоновской армии: Бородино, Малый Ярославец, Лейпциг, Ватерлоо... Однако тех названий на современных картах нет — англичане переименовали открытые русскими земли в начале XX века.

Летом 1821-го шлюпы вернулись в Кронштадт. Моряки провели вне родных берегов 751 сутки. Корабли преодолели почти 100 тыс. км ради открытия новой части света, позже названной Антарктидой.

Немецкий географ Август Петерман в 1867 году констатировал: «За эту заслугу имя Беллинсгаузена можно прямо поставить в один ряд с именами Колумба и Магеллана...»

В год 200-летия первой русской антарктической экспедиции, которую с полным правом можно назвать главным морским путешествием XIX века, из Омска стартует кругосветка. Яхта «Сибирь» пройдет маршрутом Беллинсгаузена и Лазарева, зайдет в 60 портов, и повсюду участники этого похода будут рассказывать о роли России в открытии самого южного материка Земли, восстанавливая тем самым историческую справедливость.

ФОТО: PHOTOPRESS

Родное слово

Д. ДАХ. «ПОРТРЕТ ДЕНИСА ВАСИЛЬЕВИЧА ДАВЫДОВА», 1828

Перо и сабля — все при нем

Евгений Тростин

В блистательно написанной автобиографии он сообщал о себе в третьем лице: «Денис Васильевич Давыдов родился в Москве 1784 года июля 16-го дня, в год смерти Дениса Дидерота. Обстоятельство сие тем примечательно, что оба сии Денисы обратили на себя внимание земляков своих бог знает за какие услуги на словесном поприще!» Шутка, надо признать, совершенно в его, давыдовском, стиле.

Старик Суворов их заметил

Давыдовы — семья с богатой и захватывающей историей. Корни родословной тянутся к началу XV века. Тогда ордынский мурза Минчак поступил на службу к великому князю Московскому Василию, сыну Дмитрия Донского. Внук обрусевшего вельможи Давыд Минчаков дал роду фамилию.

Прадед будущего поэта отличился на полях сражений, был полковником. С армией связана судьба и его многочисленных потомков. Отец — Василий Денисович — командовал в свое время Полтавским легкоконным полком и вышел в отставку в высоком звании бригадира. В жены себе выбрал дочь генерала, наместника трех губерний Елену Щербинину.

Семейство владело тремя именьями в Орловской губернии и подмосковным селом Бородино — тем самым, которое прославится в грозную пору 1812 года. Своего первенца чета Давыдовых нарекла по традиции в честь деда по отцовской линии — Денисом, Дионисием.

Главное событие детства — встреча с Суворовым. Современ-

ники великого полководца оставили о нем немало воспоминаний, но Давыдова в этом плане вряд ли кто превзошел.

«Я помню, что сердце мое упало, — как после упало при встрече с любимой женщиной. Я весь был взор и внимание, весь был любопытство и восторг, — признавался много позже Денис Васильевич. Дальше — больше. Мальчишку фельдмаршал благословил. — «Где они? где они?» — спросил он и, увидя нас, повернул в нашу сторону, подскакал к нам и остановился. Мы подошли к нему ближе. Поздоровавшись с нами, он спросил у отца моего наши имена; подозвав нас к себе еще ближе, благословил нас весьма важно, протянул каждому из нас свою руку, которую мы поцеловали, и спросил меня: «Любишь ли ты солдат, друг мой?» Смелый и пылкий ребенок, я со всем порывом детского восторга мгновенно отвечал ему: «Я люблю графа Суворова; в нем все — и солдаты, и победа, и слава». — «О, Бог помилуй, какой удалой! — сказал он. — Это будет военный человек; я не умру, а он уже три сражения выиграет! А этот (указав на моего брата) пойдет по гражданской службе». И с этим словом вдруг повернул лошадь,

Усадьба Давыдова на Пречистенке

ФОТО: ЮРИЙ АРТАМОНОВ/РИА НОВОСТИ

ударил ее нагайкою и поскакал к своей палатке».

Насчет брата Александр Васильевич несколько погорячился (тоже преуспеет на ратном поприще), однако будущее Дениса определил безошибочно.

Форменный гусар

При Павле I, когда Суворов оказался в опале, пострадали и Давыдовы. Ревизоры обнаружили недостачу в кассе Полтавского полка. Чтобы ее компенсировать, Василий Денисович был вынужден продать одно из имений. Тем временем старший сын начал служить в Кавалергардском полку. Попастъ туда было непросто — не столько из-за скандальной отставки родителя, сколько из-за собственного невысокого роста. В престижный полк брали, как правило, рослых молодцев. И все-таки Денис Давыдов пробился в кавалергарды и вскоре прославился не только служебным рвением, но и язвительными стихами. К примеру, в басне «Голова и ноги» описал почти революционную ситуацию: нижние конечности отказались подчиняться «их величеству» голове. Многозначительный финал вызывал смешки понимания:

А. КОЦЕВ. «ДЕНИС ДАВЫДОВ С БРАТОМ ВСТРЕЧАЮТ СУВОРОВА». 1843 Г.

Смысл этой басни всякий знает...

Но должно — тс! — молчать: дурак — кто все болтает.

За подобное вольнодумство стихотворца перевели из гвардии в Белорусский гусарский полк, где служилось много веселее. Уж там-то вкусил он пунша и водки, вдоволь насышался армейских легенд. Образцом гусара стал для него знаменитый бретер Алексей Бурцов, «ёра, забияка, собутыльник дорогой». Но превыше бивуачных забав всегда была защита Отечества. Денис Давыдов рвался в бой. В 1807-м стал адъютантом генерала Багратиона. Тот не боялся острословов, представляя молодого пиита офицерам, воскликнул: «Вот тот, кто потешался над моим носом!» С тех пор два десятилетия ни один серьезный поход русской армии не обходился без его участия. «Имя мое во всех войнах торчит, как казацкая пика», — напишет Денис Васильевич на склоне лет. В сражении при Прейсиш-Эйлау и русские, и французы показали чудеса отваги. И даже в такой свистопляске ему удалось отличиться. За отчаянно храбрую кавалерийскую атаку, когда Давыдов почти в одиночку заставил отступить целый отряд улан, Багратион подарил ему лошадь и бурку. Потом отважный гусар сражался против шведов в Финляндии, бился с турками в Молдавии. В передышках между битвами, в походах и отпусках он ухитрялся сочинять стихи, да такие, что и признанным поэтам пригодились его умение превращать в поэзию грубоватую солдатскую речь. «Он дал мне почувствовать возможность быть оригинальным», — отзывался о нем Пушкин. О Давыдове говорили:

*Ужасен меч его Отечества
врагам —
Ужаснее перо надменным
дуракам!*

Весной 1812 года он в чине подполковника был назначен командиром батальона в Ахтырский

COLONEL DENIS DAVYDOFF, surnamed THE BLACK CAPTAIN.
Wounded in the Russian campaign of 1807.
The first officer who was attacked as a partisan in the campaign of 1812.
And has been the savior of the emperor's camp on the day of the French communication, under the name of the Black Captain.

гусарский полк. Драться с французами довелось с первых дней войны. Армия Багратиона отступала, но отбивалась героически. В тех боях окреп характер Давыдова.

Даже Кароль не устоял

Известность Дениса Васильевича затмила славу других партизанских предводителей, среди которых числились и предусмотрительный Александр Бенкендорф, и авантюрный Александр Фигнер, и опытный Иван Дорохов. В народной памяти остался именно гусар-поэт — возможно, как раз потому, что способен был не только победить, стремительно и внезапно нападая на французские отряды, но и увлекательно рассказать об

этом, являясь, по сути, отменным пропагандистом. Ведь без умения бороться за умы войны не выигрываются.

Идею создания партизанского отряда он предложил Петру Багратиону за несколько дней до Бородинского сражения. Будущих лесных героев Денис Васильевич отбирал лично. Их было немного: 50 проверенных гусар и 80 донских казаков. Для врага они стали костью в горле.

Давыдов тогда и представить не мог, что генеральное сражение состоится практически в его родном Бородинском имении. Участвовать в той великой битве и видеть, как уносили с поля боя тяжелораненого Петра Ивановича, ему не

довелось. Давыдовцы действовали во французском тылу: перехватывали транспорты с фуражом, громили отставшие отряды. Хотя их первая партизанская ночь могла оказаться последней: на командира и его бойцов напали крестьяне, принявшие их за французов. Пришлось Денису Васильевичу отпускать бороду и надевать мужицкий кафтан — после этого крестьянское ополчение присоединилось к партизанам.

В начале сентября возле села Токарево они взяли в плен 100 грабивших дворы французов. Это был первый крупный бой отряда. В следующей схватке с врагом он отбил у французов обмундирование на целый кавалерийский полк, а пленных было уже без малого три сотни. Уже в начале декабря Кутузов поручал Давыдову большие операции, например, освободить от оккупантов Гродно.

За три с половиной месяца давыдовцы захватили 3600 пленных. Партизаны сыграли едва ли не решающую роль в деле изгнания Наполеона за пределы России: они лишили захватчиков надежного тыла, Великая армия рассеялась из-за голода, холода и дезертирства.

В европейском походе подвиги продолжались. В марте 1813-го Давыдову с небольшим кавалерийским отрядом удалось занять Дрезден. Денис Васильевич участвовал и в «Битве народов» под Лейпцигом, и в кавалерийском сражении под Ла-Ротьером.

Не зря в народе его считали одним из главных героев войны, символом победы. Портрет этого командира партизан можно было встретить и в крестьянской избе, и в аристократическом будуаре. Знали о подвигах «Черного капитана» и в Европе. Сам же Давыдов на сей счет подытожил:

*За тебя на черта рад,
Наша матушка Россия,
Пусть французишки гнилые
К нам пожалуют назад!*

Но стихи стихами, а служба службой. Денис Васильевич был не только кузеном, но и единомышленником Алексея Ермолова, под его командованием храбро воевал против персов в 1827-м. Привыкший к дорогам Франции и Пруссии гусарский конь резво скакал и по кавказским скалам. Но после отставки Алексея Петровича Давыдову стало неуютно в армии. Он попросил уволить его со службы. Послед-

ний бой состоялся в Польше, в 1831 году. У Будзинского леса удалось наголову разбить войска генерала Кароля Турно. Службу бывший партизан оставил в высоком чине генерал-лейтенанта.

В мирные дни

Если судить исключительно по стихам, то можно представить его неумным гулякой, легкомысленным покорителем женских сердец. Это — маска, семьянином он оказался неплохим. Женился поздновато — в 35, однако брак с Софьей Чирковой был весьма прочным. Дочь генерала, она хорошо понимала мужа, мирилась даже с его влюбчивостью. Второго такого многодетного отца среди героев 1812 года, пожалуй, не сыскать: у него было 9 детей.

Ему принадлежала роскошная усадьба в Москве, на Пречистенке, но облюбовал он женино имение

Верхняя Маза в отдаленном от столиц

Сызранском уезде. Там со-

чинял, охотился,

иногда принимал

приятелей. Оста-

вался остроумным

собеседником, с ко-

торым десятилетия-

ми дружили такие

взыскательные пер-

соны, как Петр Вязем-

ский и Василий Жуков-

ский.

Память о подвиге 1812

года была для Давыдо-

ва священна. В стихах он

снова и снова обращался к

ушедшим боевым товари-

щам:

Но где вы?.. Слушаю...

Нет отрыва! С полей

Умчался брани дым,

не слышен стук мечей,

И я, питомец ваш,

склоняюсь главой у плуга,

Завидую костям соратника иль друга.

О себе в мемуарных записках поведал с юмором, хотя и честолюбивых устремлений не скрывал. Знал себе цену и резонно рассчитывал на благодарную память потомков, которым не простил бы одного — пренебрежения к Отечеству. Давыдову было известно понятие «руссофобия», пусть это слово и писали в те времена с двумя «с».

Ладно бы эта болезнь распространялась лишь на французов, шведов да немцев, которых русские на полях сражений бивали не раз и не два. Денис Васильевич с негодованием замечал снобизм многих русских ари-

стократов по отношению к Родине, к нашим ценностям, святыням.

«Клеветникам России» он ответил «Современной песней», которая, увы, актуальна во все времена. Давыдов этих салонных вольнодумцев видел насквозь:

*Всякий маменькин сынок,
Всякий обирала,
Модных бредней дурачок,
Корчит либерала...*

А глядишь: наш Мирабо

Старого Гаврило

За измятое жабо

Хлещет в ус да в рыло.

А глядишь: наш Лафайет

Брут или Фабриций

Мужиков под пресс кладет

Вместе с свекловицей...

Тех, кто в своих фантазиях «ниспровергал» величие страны, он просто высек в финале своего послания:

И России уже нет,

И в Москве поляки!

Но назло врагам она

Все живет и дышит,

И могуча, и грозна,

И здоровьем пышет,

Насекомых болтовни

Внятием не тешит,

Да и место, где они,

Даже не почешет.

А когда во время сна

Моль иль таракашка

Заползет ей в нос, — она

Чхнет — и вон букашка!

Последний путь с Багратионом

Старый гусар взрывался, когда слышал или читал суждения о том, что Наполеона одолел генерал Мороз, а в боях французы так и остались непобедимыми. Отстаивая честь боевых товарищей, ответил недругам в обстоятельной статье, которая так и называлась — «Мороз ли истребил французскую армию в 1812 году?». «И на все сказанное мною не опасаясь возражений, — вызываю их; бросаю перчатку: подымай, кто хочет!» — так он завершил свои размышления об Отечественной войне.

В. БОЛТЫШЕВ. «ДЕНИС ДАВЫДОВ В БОЮ У САЛТАНОВКИ», 1999

РИСУНОК А. ПУШКИНА

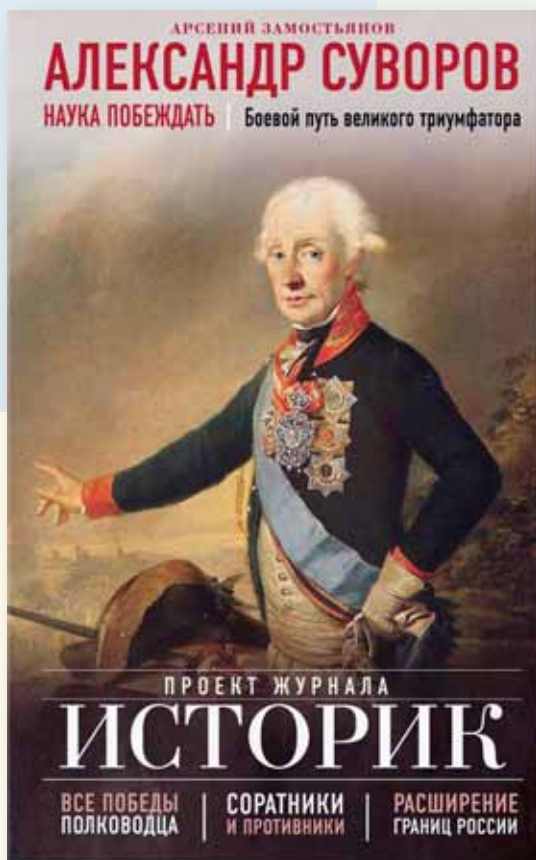
В последние годы жизни Денис Васильевич много болел, но был полон замыслов, по-прежнему энергично действовал. Заботился о памяти героев, прежде всего — любимого командира Багратиона. Именно Давыдову принадлежала идея перезахоронить легендарного генерала на Бородинском поле. По началу его могила находилась там, где он скончался, — в селе Сима Юрьев-Польского уезда Владимирской губернии. Бывший адъютант считал: захоронение Петра Ивановича должно стать местом всеобщего паломничества, и лучшего

места, чем Бородино, для этого не найти.

Незадолго до своей смерти Давыдов получил пакет из Петербурга: «Государь Император, соизволяя на перенесение праха покойного Генерала Князя Багратиона на Бородинское поле, Высочайше повелел: перевезть туда его в сопровождении Вашем, под конвоем одного из кавалерийских полков, во Владимирской губернии расположенных, к 22 июня сего года и погребсти подле Бородинского памятника, положив на этом месте мраморную или чугунную доску с приличной надписью». Как долго он ждал этого царского слова!

Денис Васильевич готовился к торжественной церемонии, волновался, тревожился... Сердце не выдержало. Жизнь, пролетевшая гусарской рысью, оборвалась неожиданно.

Воинские почести пришлось отдавать сразу двум славным сынам Отечества: Багратиону — на Бородинском поле, Давыдову — в Новодевичьем монастыре. Под перезвон колоколов, плывущий над тихими берегами Москвы-реки, друзья и близкие провожали в последний путь чудесного поэта и партизана, ставшего олицетворением русской доблести.

Александр Суворов. Наука побеждать

Арсений Замостьянов

М.: Эксмо, 2019. — 352 с.

За два с лишним века после смерти великого полководца о нем было написано бесчисленное количество биографий, военно-научных исследований, художественных и документальных произведений. Казалось бы, разве есть необходимость в новых изданиях, посвященных Суворову? Есть. Все прежние были ориентированы, как правило, на свои эпохи. А актуальный контекст в таких, рассчитанных на широкого читателя, исторических работах крайне необходим.

К примеру, в дореволюционной теократической России не было нужды подчеркивать одно из главных свойств натуры Александра Васильевича — его набожность, редкое благочестие. После Октября 1917-го и почти что до распада СССР эту черту менталитета фельдмаршала-генералиссимуса, напротив, всячески замалчивали.

«Не раз приходилось слышать: а зачем Суворов ринулся в Италию, зачем сражался в швейцарских Альпах, проливал русскую кровь? Скептически относился к суворовским походам Александр Солженицын — известный наш изоляционист. А Суворов защищал интересы России, на всю Европу прославляя русский штык. Законы истории суровы для «благоразумных» домоседов. Не хочешь принимать участие в международных делах — найдется кандидат в гегемоны, который примет участие в твоей судьбе. И тогда сражаться придется не в Муттентале, а в Смоленске», — с такими рассуждениями Арсения Замостьянова трудно не согласиться.

В отдаленном да и сравнительно недавнем прошлом о гениальном военачальнике чаще писали в аспекте военной истории: сражения, походы, череда побед. Это есть и в данной книге, причем, что называется, без купюр. Помимо всего прочего, отражены обстоятельства усмирения мятежных поляков, описаны боевые действия против пугачевцев.

Но есть в новинке и нечто большее, например, взгляд на фигуру Суворова как на феномен национальной культуры. Ведь он — мыслитель и воспитатель не только для армии. Полководец стал для нас образцом русской мечты об успехе, если угодно — о самореализации. Это и есть та самая наука побеждать — не только на поле брани, но и в обычной, «статской» жизни. Именно поэтому ему сродни самые разные наши гении, включая, разумеется, Пушкина, которого называли Александром, скорее всего, в честь Суворова. Весной и летом 1799 года не было в Европе более популярного человека, чем русский фельдмаршал, громивший в Италии французских оккупантов.

Новую книгу Арсения Замостьянова рекомендовать можно всем, и особенно — молодежи. Она пригодится и для рефератов, и для личного осмысления одной из величайших фигур отечественной истории.

Дом Романовых

Шпалерная тюрьма, где содержались великие князья

Как уходили великие

Тема трагедии Дома Романовых активно освещалась в прессе в прошлом году — в связи со столетием убийства царской семьи. Хотя расстрелы великих князей — о чем сегодня почти не вспоминают — продолжились и в 1919-м. Об этой печальной странице нашей истории рассказывает доктор исторических наук Юлия КУДРИНА, изучавшая обстоятельства тех событий по многим прежде недоступным источникам. В том числе — по хранящемуся в Королевской библиотеке Копенгагена архиву Харальда Скавениуса.

СРАЗУ после отречения Николая II Временное правительство приняло меры к изоляции великих князей. Весной 1918 года в петроградской «Красной газете» был опубликован декрет, в котором, в частности, говорилось: «Совет Комиссаров Петроградской Трудовой Коммуны постановляет: членов бывшей династии Романовых — Николая Михайловича... Дмитрия Константиновича... и Павла Александровича... выслать из Петрограда и его окрестностей впредь до особого распоряжения с правом свободного выбора места жительства в пределах Вологодской, Вятской и Пермской губерний».

В июле 1918-го Николая Михайловича, Георгия Михайловича и Дмитрия Константиновича арестовали в Вологде и отправили в местную тюрьму.

Первый из них был сыном великого князя Михаила Николаевича и великой княгини Ольги Федоровны, внуком Николая I. Много лет увлекался наблюдениями за насекомыми. Французское энтомологическое общество избрало его своим членом, когда ему было всего 18. Под редакцией Николая Михайловича вышло девяти томное издание «Мемуары о чешуекрылых».

Однако славу и известность ему принесло не это специфическое занятие, а его знаменитые работы: «Император Александр I. Опыт исторического исследования», «Граф П.А. Строганов (1774–1817)», «Князь Долгорукие, сподвижники императора», «Император Александр I в первые годы его царствования» и, наконец, «Русские портреты XVIII и XIX столетий». Последняя книга (Лев Толстой определил ее как «драгоценный материал истории») по-своему уникальна, аналогов в мировом искусствоведении не имеет.

Блестяще образованный, необычайно одаренный и на редкость трудолюбивый, он сделал замечательную научную карьеру. С 1892-го — председатель Русского географического, с 1910-го — Русского исторического общества, в 1910-м получил степень доктора философии Берлинского университета, в 1915-м — доктора русской истории Московского университета.

В политике отличался наибольшим радикализмом, признавал необходимость реформ, выступал за конституционную монархию. С Толстым был знаком лично, находился с ним в переписке. В одном из писем Льву Николаевичу писал: «Вы вполне правы, что есть что-то недоговоренное между нами, но смею Вас

уверить, что, несмотря на родственные узы, я гораздо ближе к Вам, чем к ним. Именно чувство деликатности вследствие моего родства заставляет меня молчать по поводу существующего порядка и власти, и это молчание еще тяжелее, т[ак] [как] все язвы режима мне очевидны и исцеление оных я вижу только в коренном переломе всего существующего».

Второй арестованный — брат Николая Михайловича Георгий. Страстью всей его жизни была нумизматика. Подготовленное Георгием Михайловичем издание «Русские монеты XVIII и XIX вв» получило высокую оценку специалистов. Он был инициатором выпуска «Корпуса русских монет XVIII–XIX вв» — нумизматического труда по истории денежного обращения. С 1895 года возглавлял Музей императора Александра III, позже известный как Русский музей.

Третий, Дмитрий Константинович — сын Константина Николаевича, двоюродный брат Александра III. Числился главноуправляющим государственного коннозаводства. Придерживался высоких гуманистических принципов, не раз заявлял о том, что все великие князья из рода Романовых должны сами отказаться от высоких, занимаемых согласно установившейся традиции постов. Выступал с критикой императора и императрицы.

«Мы находимся в тюрьме уже в течение четырнадцати дней, и самое страшное то, что нам до сих пор не предъявили никакого обвинения... Многие из охранников помнят меня с фронта, и мы разговариваем друг с другом очень вежливо. Их идеи довольно путанны

Великий князь
Николай Михайлович

Великий князь
Георгий Михайлович

и являются следствием социалистической пропаганды — той пропаганды, которая превратила их в стадо обманутых детей.

Сегодня, в воскресный день, мы были в церкви, и нас поместили позади решетки, как зверей. По приказу Урицкого нас должны перевести в Петербург. Мы думаем, что нас отправляют отсюда (из Вологды) для того, чтобы мы не попали в руки союзников. С другой стороны, учитывая те ужасные новости об убийстве Верховного — Царя, я не могу быть уверен в том, что они посадили нас в тюрьму как раз для этого, и мы, по всей вероятности, будем осуждены. Я, однако, не боюсь этого, потому что совесть моя чиста и с помощью Всевышнего я умру спокойно», — эти строки Георгий Михайлович писал из Вологды находившейся в Англии супруге, Марии Георгиевне, летом 1918 года.

Действительно, уже в августе 1918-го все трое были переведены в Петроград, в находившийся в Петропавловской крепости дом предварительного заключения, где они пребывали вплоть до расстрела.

Несколько позже туда был доставлен под стражей великий князь Павел Александрович, оставшийся до тех пор на свободе, в Царском Селе. Он, младший сын императора Александра II, командовал лейб-гвардии Конным полком и Гвардейским корпусом. Покровительствовал коннозаводским учреждениям, являлся почетным председателем Русского общества охраны народного здоровья. Незадолго до ареста датский посланник Харальд Скавениус предложил ему план организованного побега из страны. Нужно было скрыться в посольстве Австро-Венгрии, а затем, переодевшись в иностранную форму, играть роль военнопленного и дожидаться отправки в Вену. Великий князь от этой затеи наотрез отказался, заявив, что скорее умрет, нежели наденет на себя мундир враждебного России государства.

Племяннице Николая и Георгия Михайловичей, датской королеве Александрине поступали настойчивые просьбы оказать помощь членам императорской фамилии. Принявшая близко к сердцу сообщение о бедственном положении родственников, она старалась поддержать их морально. «Чудное письмо, которое я получил от Ее Величества, наполнило меня радостью. Узнаю дочь моей сестры и внучку», — писал Скавениусу в октябре 1918 года Николай Михайлович.

Датский посланник не единожды бывал в Петропавловской крепости. В августе 1918-го он обратился к советскому правительству с требованием предоставить элементарные гарантии Романовым.

Посетивший арестованных Моисей Урицкий на вопрос Дмитрия Константиновича, почему они содержатся в неволе, ответил: мол, советская власть заботится таким образом об их безопасности, поскольку народ желает расправы над ними. При этом добавил: если немецкое правительство выпустит на свободу

Великий князь
Дмитрий
Константинович

Карла Либкнехта, то большевики так же поступят с великими князьями.

Между тем в Лондоне супруга Георгия Михайловича Мария Георгиевна продолжала делать все возможное для вызволения мужа. С просьбой об оказании содействия она обратилась к находившемуся в Британии американскому президенту Вудро Вильсону. Тот даже не ответил на этот крик о помощи.

Скавениус находился на связи с арестованными в течение всей осени 1918-го, посещал их вместе со своей женой, тайно обменивался письмами. Благодаря его ходатайству три раза в неделю в тюрьму доставляли дополнительные продукты питания. Сильное впечатление на Скавениусов произвело достойное поведение великих князей.

Свое душевное состояние Георгий Михайлович в письме жене описывал так: «Я более чем спокоен, и ничто меня больше не тревожит. Бог помогает мне не терять мужества и после того шока, который я пережил в январе в Хельсингфорсе, когда, включив свет, я увидел дуло револьвера у моей головы и штык, направленный прямо на меня, сердце мое спокойно. Я твердо решил, что если мне суждено умереть, то смерть я хочу принять, глядя ей прямо в глаза, без всякой повязки на глазах, так как я хочу видеть оружие, которое будет направлено на меня. Я уверяю тебя, что если это должно случиться, и если на это есть воля Божья, то ничего в этом страшного нет».

В Дании, как и в Англии, правящие круги были напуганы развитием событий в России и отнеслись к идее спасения великих князей весьма настороженно. Когда датское правительство получило из Петрограда

В. СЕРОВ. «ПОРТРЕТ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ПАВЛА АЛЕКСАНДРОВИЧА», 1897

сообщение об убийстве царской семьи, ни оно, ни королевский дом не сделали по данному поводу никаких официальных заявлений.

Министр иностранных дел Дании Эрик Скавениус (двоюродный брат Харальда) полагал, что события в России — «внутреннее дело русских». В память об убитых в Екатеринбурге Романовых отслужили в русском храме Копенгагена скорбную службу. И этим ограничились, сколь-нибудь активных действий для освобождения все еще живых узников ни со стороны шведского, ни от лица норвежского королевского дома не предпринималось.

30 августа Леонид Каннегисер застрелил Урицкого. В тот же день было совершено покушение на Ленина. Народный комиссариат внутренних дел дал указание «немедленно арестовывать всех правых эсеров, а из буржуазии и офицерства взять значительное количество заложников». Газета «Петроградская правда» в те дни писала: «Вожди и видные люди царского времени — должны быть расстреляны. Список заложников должен быть опубликован, дабы всякий прохвост и проходимец, а точнее, капиталисты знали, кто из великих князей, вельмож и сановников понесет кару в случае гибели хотя бы одного из советских вождей и работников».

Тучи над узниками сгущались все сильнее. Как явствует из письма Николая Михайловича датскому посланнику (13.X.1918), князь хорошо понимал тщетность попыток достичь их освобождения: «Я думаю, что не ошибусь по поводу настоящих намерений немцев. Вы сами прекрасно знаете, что все наши теперешние правители находятся на содержании у Германии,

и самые известные из них, такие как Ленин, Троцкий, Зиновьев, воспользовались очень круглыми суммами. Поэтому одного жеста из Берлина было бы достаточно, чтобы нас освободили. Но такого жеста не делают и не сделают, и вот по какой причине! В Германии полагают, что мы можем рассказать нашим находящимся там многочисленным родственникам о тех интригах, которые немцы в течение некоторого времени ведут здесь с большевиками. Поэтому в Берлине предпочитают, чтобы мы оставались в заточении и никому ничего не смогли поведать. Они забывают, что все это вопрос времени и что рано или поздно правда будет установлена, несмотря на все их уловки и хитрости».

В другом письме (6.IX.1918), касаясь той же темы, Николай Михайлович восклицал: «Увы, я, уже почти доживя до шестидесяти лет, никак не могу избавиться от германофобских чувств, главным образом после этого мрачного союза Кайзера с большевиками, который однажды плохо обернется для Германии».

Понимая, что посредством официальных шагов ничего не добьются, неутомимый Скавениус осенью 1918-го пытался использовать иные средства. Зная о благожелательном отношении охранников к великим князьям, вынашивал план подкупа. Запросил из Копенгагена для организации побега 500 тысяч рублей, и 11 декабря 1918 года получил ответ: королевская чета готова предоставить в его распоряжение требуемую сумму.

Разрыв дипломатических отношений между Данией и Советской Россией спутал все карты. Это случилось тогда, когда Англия, Франция и США объявили об экономической блокаде Страны Советов. В декабре 1918 года Харальд Скавениус, по сути, единственный, кто, не жалея сил, стремился добиться освобождения великих князей, вынужден был покинуть Петроград.

Выступали в их поддержку и некоторые советские деятели и организации. Так, специальное обращение к властям направили члены Академии наук, просили выпустить из тюрьмы почти 60-летнего Николая Михайловича, являвшегося, как говорилось в петиции, на протяжении многих лет председателем Императорского русского исторического общества. Вопрос об этом был включен в повестку дня заседания Совнаркома 16 января 1919 года, но решен так и не был. Также просил за великого князя Максим Горький. Устная резолюция большевистских вождей звучала в ответ вполне определенно: «Революции не нужны историки».

В ночь на 30 января 1919 года всех четверых раздетыми вывели на мороз. Одного из них, больного, тащили на носилках. Грянули выстрелы... Тела были свалены в общую могилу, среди других русских людей, умерщвленных за несколько часов до этого. В официальном сообщении говорилось, что великие князья расстреляны как заложники — за убийство в Германии Карла Либкнехта и Розы Люксембург.

Званный гость

Валентин Лавров:

«Бунин презирал смутьянов и бездельников»

Валерий Бурт

Известный литературовед, журналист, автор исторических детективов и коллекционер раритетных изданий Валентин Лавров дебютировал как писатель в конце 1980-х, когда ему было уже за пятьдесят. И сразу — с историческим романом-хроникой «Холодная осень. Иван Бунин в эмиграции», по сути, первым в СССР полноценным документально-художественным повествованием о жизни классика на чужбине.

Дебют оказался успешным, а главное — многие соотечественники впервые познакомились с фрагментами из «Окаянных дней».

СВОЙ: Почему Вы в первой же своей книге обратились к фигуре Бунина?

Лавров: В середине 1970-х писатель Николай Смирнов сделал мне потрясающий подарок — письма из Парижа, которые адресовали ему вдова Бунина Вера Николаевна, подруга классика Галина Кузнецова, его секретарь Александр Бахрах, прозаик Борис Зайцев, журналист Владимир Могилевский и другие.

Это были очень личные, весьма откровенные послания, которые показывали Ивана Бунина «в халате». Так, кстати, назвал свою книгу Бахрах. Литературный гений предстал в моих глазах вовсе не «холодным, заносчивым аристократом», как рекомендовали его наши соотечественники, а чутким, добрым человеком, каким знали его близкие люди.

Я влюбился в образ Бунина — яркий, неотразимый, словно мы много лет дружили. Он смотрел на меня голубыми, чуть усталыми, умными глазами.

И тут, не иначе, вмешалось провидение. Один известный кинодраматург познакомил меня с Александром Полонским — тем, кто с младенчества бывал в доме Буниных, общался и с ним, и с Верой Николаевной.

Мне довелось стать его приятелем. Он скупал в Европе архивы эмигрантов и привозил их в нашу страну. Благодаря Александру Яковлевичу я получил порядка ста рукописей и писем Бунина, изданий с дарственными надписями — богатство невероятное, немислимое.

СВОЙ: *И тогда Вы взяли за роман-хронику...*

Лавров: Не сразу. О некоторых упоминаемых в письмах персоналиях поначалу вообще ничего не было известно, либо мы знали их только по именам. Более пятнадцати лет я изо дня в день, с утра до ночи изучал эти материалы, доставал где только можно бунинские автографы, знакомился с архивом классика в Государственной библиотеке имени Ленина, работал в спецхранах.

Мне открывались черты совершенно необыкновенного человека. На основе тех прежде неизвестных в СССР материалов я опубликовал порядка полусотни статей, выступал на литературных вечерах с рассказом «Неизвестный Бунин». Меня приметил Анатолий Афанасьев, в конце 1980-х заведовав-

вший редакцией «ЖЗЛ» издательства «Молодая гвардия». Именно он, к слову, большой знаток русской эмиграции, предложил написать книгу об Иване Алексеевиче.

Трудился я с упоением, не жалея сил, ежедневно корпел за письменным столом по десять-двенадцать часов. В 1989 году книга увидела свет, а ее общий тираж составил

250 000. Успех превзошел ожидания, «Холодную осень...», как ураганом, смело с прилавков.

Вскоре отменили цензуру. Теперь представилась счастливая возможность без умолчаний и экивоков рассказать о том круговороте событий, в который попал Бунин после прихода к власти большевиков. Замечу, в моем распоряжении оказалось немало не опубликованных ранее материалов. Я писал роман не только о Буине, но и о судьбах других представителей русской эмиграции.

СВОЙ: *В нынешнем году исполняется 100 лет «Окаянным дням». Чем Вас привлекала эта книга?*

Лавров: Произведение написано в форме дневника и начинается так: «Москва, 1918 г. 1 января (старого стиля). Кончился этот проклятый год. Но что дальше? Может, нечто еще более ужасное. Даже, наверное, так». Последняя запись датируется двадцатым июня 1919-го (тоже по старому стилю), Бунин в то время находился в Одессе. Не думаю, что

принципиально важна датировка написания «Окаянных дней», главное то, что их автор очень четко (и необыкновенно резко) выразил свою позицию: всюду — безумная кровавая вакханалия; грабежи, разбои, убийства, погромы стали явлениями повседневными и повсеместными. Бунин презирал смутьянов и бездельников, искренне полагал: надо постоянно, на совесть, с любовью к своему делу трудиться, а не сливаться «в едином порыве» с толпами безобразников.

Мягкосердечный монарх Николай Александрович не сумел тогда смирить бесчинствовавших смутьянов, демагогов, бандитов, уголовников, а нашей стране всегда необходим сильный и справедливый хозяин, любящий свой народ, желающий ему всяческого добра. И вдобавок к этому — способный добиться уважения чужеземцев к великой России.

СВОЙ: *Пять лет назад на экраны вышел фильм Никиты Михалкова «Солнечный удар», где, помимо расказа, написанного в 1925 году, были использованы мотивы «Окаянных дней». Как Вам лента?*

Лавров: Картина сильная: сюжет крепкий, напрягает по ходу действия нарастает. Удачен подбор

актеров. В фильме есть пища для ума. От него веет теплой, ностальгической атмосферой, грустью по старой, давным-давно ушедшей, во многом прекрасной, несравненной России.

СВОЙ: *А по стране периода «реформ» не грустите? При всех, мягко говоря, сомнительных достоинствах того периода именно тогда Вы познали в полной мере прелести славы и успеха. На протяжении восьми лет каждый четверг «Московский комсомолец» публиковал Ваши произведения с пометкой «продолжение следует».*

Лавров: Да, лично для меня это были удачные годы. На презента-

ции моих книг приходили сотни людей. Например, в июле 1998 года во время праздника «МК» в «Лужниках» мне довелось представлять сразу шесть своих сочинений. Ушли все 4800 экземпляров.

Теперь тяга к литературе ослабла, по сравнению с советским периодом и даже 1990-ми мы стали гораздо меньше читать.

СВОЙ: *Помнится, где-то Вы рассказывали, что Ваш роман с литературой начался с Пушкина...*

Лавров: Верно. В нашей домаш-

ней библиотеке было издание «Евгения Онегина» 1833 года. Когда еще младенцем ложился вечером в кровать, бабушка читала строки, которые меня отчего-то волновали: «Уж темно: в санки он садится. / «Пади, пади!» — раздался крик; / Морозной пылью серебрится / Его бобровый воротник».

Зимой 1941 года я, шестилетний мальчишка, оказался в эвакуации в Перми. Там находился в то время Театр оперы и балета имени Кирова из Ленинграда. Тетя Поля, к которой нас подсадили, служила в театре — то ли билетером, то ли в какой-то другой должности. И поэтому весь репертуар был к моим услугам... Как-то раз, к своей радости, оказался за кулисами — несказанно понравилось! Впоследствии прослушал и посмотрел все спектакли, но более всего пришелся по душе «Евгений Онегин». Особенно сцена дуэли. Однажды перед ее началом забыли зарядить пугач: Онегин щелкает, а выстрела нет. Повисает неловкая пауза. И вдруг из оркестровой ямы раздается громкий утробный звук: «бум!» — это барабанчик по команде дирижера что есть мочи стукнул в большой барабан. Похоже было на пушечный выстрел. Несчастный Ленский осел на подмостки... Зал аплодировал. Многие решили, что так и надо было.

Вообще сколько себя помню, всегда много читал: сначала — Чуковского, Михалкова, Маршака, басни Крылова, «Красную Шапочку», несколько позже — «Путешествие Гулливера» издания «Товарищества И.Д. Сытина», тома Майн Рида, выпущенные в начале XX века Петром Сойкиным, и прочая, прочая. С ранних лет выписывал в школьные тетради (они сохранились) полюбившиеся выражения.

Четырех лет от роду сочинял эпистолы отцу, известному футболисту Виктору Лаврову. Как-то раз он, уезжая на базу «Локомотива» в Хосту, провидчески пошутил: «Еще один борзописец растет».

Эпоха Веры

Вера Мухина — создатель эталонных скульптур советской эпохи: «Рабочий и колхозница», «Крестьянка», «Хлеб». Девочка из богатой купеческой семьи, путешествовавшая по Европе и учившаяся у Антуана Бурделя, поначалу работала в почти импрессионистском ключе, как ее коллеги Сергей Конёнков и Анна Голубкина. После революции могла эмигрировать, подобно старшей сестре Марии Мухиной, и безбедно жить на семейные капиталы. Однако Вера Игнатьевна осталась, пережила тяжелые годы Гражданской войны и обрела новый стиль: торжественный, монументальный, отсылающий к античности и даже архаике.

Великие реалисты

Ксения Воротынцева

НА ФОТОГРАФИЯХ, дошедших до наших дней, она почти не улыбается. Глядит спокойно, чуть сдвинув брови. В семье Веру называли «соколенком» — из-за недетской серьезности. Она ко всему подходила основательно, даже к увлечениям. Прекрасно играла на фортепиано, любила сочинения Вагнера. Галина Уланова, «Снежная королева» русского балета, вспоминала о работе с художницей: «Разговор во время сеансов всегда направляла Вера Игнатьевна. И разговор этот никогда не сводился к пустой светской болтовне — с ней просто невозможно было говорить о пустяках. Всегда — о серьезном, всегда — ради чего-то. Она часто говорила об ответственности перед жизнью и о том, что жизнь — это

великое чудо, о красоте. Слова ее были просты, но как-то по-особому наполнены, содержательны. И сама она была простой и сильной. Мне она напоминала Валькирию, даже внешне».

Впрочем, в юной Вере серьезность уживалась с любовью к балам и красивым платьям. После смерти родителей девочка воспитывалась у родственников в Курске. Повзрослев, вместе с сестрой решила переехать в Белокаменную. Причину описывала просто: «Раз в год ездили в Москву проветриться, закупить нарядов. Потом нам пришло в голову: а почему бы не переехать? Переехали». Будущая художница занималась в студии Юона и Дудина, училась рисунку у Машкова. Но ее мечтой оставался Париж. Понача-

«ХЛЕБ», 1939

ФОТО: СВЕТЛАНА ХОЛЯВЧУК/ИНТЕРПРЕССТАСС

В. МУХИНА И А. ЗАМКОВ У РАБОТЫ «КРЕСТЬЯНКА»

лу опекуны возражали: девушке неприлично в одиночку разъезжать по Европе. Помогла трагическая случайность. В 1912-м, катаясь на санках в семейном поместье в Кочанах, Вера врезалась в дерево: «Я провела рукой по лбу и лицу. Рука не нащупала носа. Нос был оторван...». Итог — девять пластических операций, 18 дней в больнице, полгода в Кочанах. Шрамы, нежелание смотреться в зеркало. Сжалившись, родственники отпустили ее во Францию.

Она выбрала нового ментора — скульптора Бурделя. Процесс обучения был нелегким — мэтр критиковал ее этюды и отпускал замечания в адрес русских: «Вы, славяне, богато одарены от природы, но отличаетесь крайней неуравновешенностью. Вам недостает дисциплины, внутреннего контроля». И все же Мухиной уда лось добиться похвалы классика. Весной 1914-го вместе с подругами отправилась в путешествие по жаркой Италии: «Питались только черешнями и мороженым». Огромное впечатление произвели древние памятники. Во всем, даже в лицах местных жителей, чувствовалась неразрывная связь с прошлым: «Всюду квадратные римские головы с низким лбом. Кругом меня — императоры». Могла ли Вера предположить, что однажды ее знаменитая «Крестьянка» получит «прописку» в Музеях Ватикана... Девушка путешествовала по городам, впитывала искусство Античности и Ренессанса, училась у великих: «Ищу большое, пусть мерзкое, но большое! У Микеланджело все персонажи героизированы и титаничны, если можно так выразиться, — он возводит их в героическую, почти божественную сте-

«ГОНЕЦ». ЭСКИЗ КОСТЮМА К ДРАМЕ «ЛУЖИШУТОК». 1915–1916

ФОТО: АБРАМ ШТЕРЕНБЕРГ/РИА НОВОСТИ

«ЖЕНСКИЙ ТОРС». 1927. ДЕРЕВО

ФОТО: ЮРИЙ БЕЛИНСКИЙ/ТАСС

пень». Принцип «титаничности» воплотился именно в «Крестьянке» — собирательном образе. Руки художница лепила с мужниных (Алексей Замков был врачом), ноги — «с одной бабенки», а лицо — «без натур, из головы». От этой скульптуры веет мощью и архаикой, художница следует доклассическим канонам, будто воссоздавая облик «матери — сырой земли». Мухина не гналась за дешевыми внешними эффектами, не любила слащавости и сентиментальности («Довольно разводите советский розовый сиропчик. У нас суровая эпоха...»). И не считала при-

«СИДЯЩАЯ ФИГУРА», 1947, СТЕКЛО

ФОТО: ЮРИЙ БЕЛИНСКИЙ/ТАСС

знаком художественности исключительно внешнее сходство: «За последнее время наблюдается своеобразное обеднение содержания нашей скульптуры, заключающееся в том, что из нее исчезли образы, изображающие обобщающие понятия или какую-нибудь идею... Положение усугубляется еще тем, что у нас привыкли отождествлять реалистичность с «похожестью» образа, проверяя ее в скульптуре или фотографии, или «бытовыми» представлениями о человеке или событии». Ее творение имело огромный успех. Леонид Собинов сочинил экспромт: «На выставке с мужским искусством слабо. / Куда бежать от женского засилья? / Всех покорила мухинская баба / Могутностью одной и без усилия».

Важным рубежом в жизни художницы стала Первая мировая. Мухина вернулась на лето в Россию, потом собиралась уехать во Францию. Но война не позволила осуществить планы. Девушка поступила на курсы сестер милосердия. Работала в госпитале: «Туда прибывали раненые прямо с фронта. Открываешь грязные присохшие бинты — кровь, гной. Промываешь перекистью. Вши». В том же 1914-м познакомилась с будущим мужем Алексеем Замковым. Восхищалась его красотой («Он похож на Наполеона!»), душевной тонкостью и мужественностью. Потом — революция, Гражданская война. Сестра Мария уехала за границу. Вера осталась. Москва голодала; в домах не топили, в квартире было три градуса тепла, рисовать приходилось в шерстяных перчатках. Случилась и семейная трагедия: любимый сын Всеволод

— Волька (в честь него получил имя герой «Старика Хоттабыча» Волька-ибн-Алеша) — упал и серьезно травмировался. Начался туберкулез кости. Алексей Замков сам прооперировал четырехлетнего ребенка — дома, на обеденном столе. Полтора года в гипсе, костыли, долгая реабилитация...

В то же время эпоха подарила новых друзей. Прежде всего Мухина познакомилась с известным модельером Надеждой Ламановой, еще недавно обшивавшей царский двор. Вера Игнатьевна сотрудничала с «Мастерской современного костюма», и близкая подруга Александра Экстер предложила показать вещи из рогожи самой Ламановой. Так началась дружба, длившаяся вплоть до отъезда скульптора в эвакуацию в 1941-м: сердце Надежды Петровны не выдержало — она умерла через три дня после расставания с Мухиной и ее семьей. Другим близким другом стал ваятель Иван Шадр. С ним создательница «Рабочего и колхозницы» даже была на «ты» — редкость для сдержанной и серьезной художницы. Она вспоминала: «Чтобы так обращаться к кому-то, мне надо чувствовать к нему большую душевную близость».

В 1927-м состоялась «Выставка художественных произведений к десятилетнему юбилею Октябрьской революции», где тепло приняли «Крестьянку». Скульптура путешествовала по заграничным мотам: Мухина получила возможность поехать в Париж на три месяца, однако сократила командировку на 30 дней — не хотела в десятилетнюю годовщину свадьбы оказаться вдали от любимого мужа. У Алек-

«СТРОИТЕЛЬ. ПОРТРЕТ АРХИТЕКТОРА С.А. ЗАМКОВА», 1935

ФОТО: ВИТАЛИЙ БЕЛОУСОВ/РИА НОВОСТИ

«ТЕЛЕНОК», 1939, ФАРФОР

ФОТО: АБРАМ ШТЕРЕНБЕРГ/РИА НОВОСТИ

сея Замкова дела шли в гору: он создал первый в мире гормональный препарат гравидан. Считалось, что лекарство помогает при широком спектре заболеваний. Поначалу средство встретили с энтузиазмом — его принимали даже сильные мира сего. Однако затем доктора обвинили в знахарстве, опубликовав фельетон в день его рождения. Трудно сказать, что стало причиной — то ли зависть коллег, то ли привыкание пациентов к гравидану и снижение эффективности. Последовала ссылка в Воронеж на три года; жена отправилась за ним. Через два года, благодаря ходатайствам Горького, удалось

вернуться в Москву. Более того, Алексей Замков возглавил только что созданный научно-исследовательский институт. А у Веры Мухиной через несколько лет началась работа над шедевром — монументом «Рабочий и колхозница». Процесс оказался нелегким. Автор замысла архитектор Борис Иофан и Вера Игнатьевна не нравились друг другу. Художница говорила про Иофана: «Его понятие о синтезе чересчур спорно, по-моему, он его видит не в конструктивно-композиционном разрешении, а в равновеликости скульптуры и архитектуры». Борис Михайлович не оставался в

долгу: «Я очень сомневался, что она сможет справиться с конкурсным проектом. Считал, что она способна скорее к созданию лирических вещей». Мэтр возлагал надежды на Ивана Шадра, однако в итоге одобрение получил эскиз Мухиной. Поначалу художница предлагала более статичные варианты, но затем сделала акцент на движении: «Жест в монументальной скульптуре должен нести в себе громадное внутреннее содержание. Он нередко концентрирует в себе всю идею памятника; рука Петра, простертая над просторами Невы, и рука Минина, указывающая на Кремль, — и та и другая указывают на судьбы России». Экспрессии добавлял развевающийся шарф — один из самых трудных элементов с инженерной точки зрения («загогулина», как прозвали его рабочие). Вера Игнатьевна признавалась: «Страшная это вещь — неэмоциональное искусство. В скульптуре — это комканье глины, в графике — извод бумаги, в живописи — мараение холста. Я говорю о конечном результате работы художника: пока учится, ох, как много изведется красок, бумаги и холста! и на здоровье! чем больше, тем лучше. Но когда художник созрел, то начинается служение человечеству и великий запрет безразличию». Сроки поджимали: нужно было успеть к открытию международной выставки 1937 года в Париже — монумент собирались установить на советском павильоне, спроектированном Иофаном. На скульптора давили, требовали скорее завершить работу. Сильную, не умевшую жаловаться Мухину довели до слез: «Было стыдно, но я заплакала. Помню, хлопнула кулаком по столу, сказала: «Это издевательство!» — и выбежала в коридор». В итоге решили применить новейшие технологии — контактную точечную сварку (изначально скреплять стальные листы соби-

ВЕЛИКИЕ РЕАЛИСТЫ

ФОТО: Е. ДЕНЬЧУКРИА НОВОСТИ

ПАМЯТНИК А.М. ГОРЬКОМУ У БЕЛОРУССКОГО ВОКЗАЛА

ПАМЯТНИК ПИ. ЧАЙКОВСКОМУ У МОСКОВСКОЙ КОНСЕРВАТОРИИ

ФОТО: Е. ДЕНЬЧУКРИА НОВОСТИ

рались заклепками). А голову и руки выколачивали по деревянным шаблонам. Трудились без отдыха — рабочие спали по три часа. Сваркой занималась и сама художница вместе с помощницами — Ниной Зеленской и Зинаидой Ивановой: «Инженер Журавлев стал весь серый, превратился в мощи. Прихожан заснул за чертежным столом. Руку он во сне откинул на паровое отопление, у него сделался ожог, и все-таки он не проснулся. Сварщики так устали, что инструмент валился из рук. Мы, трое женщин, сами варили». Итог стараний оказался впечатляющим: скульптурная группа высотой около 25 метров покорила заграничную публику. Зарубежные журналисты публиковали восторженные статьи: монумент сравнивали с Никой Самофракийской. Творением восхищались Ромен Роллан и Луи Арагон.

Другая известная работа — памятник Горькому, установленный у Белорусского вокзала, — появилась в результате трагического случая. Иван Шадр, автор первоначального проекта, умер незадолго до начала войны, в апреле 1941 года. Художнице попросили переделать его: советский писатель получился у Шадра чересчур взволнованным, порывистым. Мухина как могла сопротивлялась правкам, но в итоге вынуждена была создать более академичный вариант. Сама осталась недовольна

СКУЛЬПТУРА «ДЕВУШКА» У ВЫСОТНОГО ЗДАНИЯ МГУ. 1951

ФОТО: РИА НОВОСТИ

«ТРЕБУЕМ МИРА», 1950

ФОТО: ПАВЕЛ СМЕРДИН/ТАСС

«ВОЗВРАЩЕНИЕ», 1943

ФОТО: С. СОЛОВЬЕВ/РИА НОВОСТИ

результатом: «Не то. Не то, что задумывал Иван Дмитриевич».

Памятник Чайковскому завершали уже помощницы Веры Мухиной — Иванова и Зеленская. Мастер хотела изобразить экспрессивный жест: подобно дирижеру, композитор взмахивает рукой. Некоторые критики усмотрели в этом излишнюю аффектированность, однако для Мухиной важно было передать творческий порыв маэстро. Через год после ее смерти скульптура была установлена в Москве у здания Консерватории. Еще раньше, в 1929-м, художница выполнила бюст Чайковского, который можно увидеть в Клину, около железнодорожного вокзала. Однако до сих пор ни в столице, ни в клинском крае, где на протяжении нескольких лет бывала Мухина (она проводила летние месяцы в родной деревне мужа Борисово), нет памятника самой Вере Игнатьевне. Хочется верить, что однажды это недоразумение будет исправлено.

«УЗБЕЧКА С КУВШИНОМ», 1933

ФОТО: АБРАМ ШТЕРЕНБЕРГ/РИА НОВОСТИ

«Вальс» побежденных

Евгений Прозоров

Три четверти века назад весь мир убедился: Красная Армия все-таки сломала хребет нацистской Германии. По улицам Москвы провели под конвоем порядка шести десятков тысяч пленных гитлеровцев и их пособников.

Операцию под кодовым названием «Большой вальс» готовили в условиях строжайшей секретности.

1944-й в истории Великой Отечественной — время наших наступательных операций. Тем летом была разгромлена группа армий «Центр». Вермахт понес тяжелейшие потери, сотни тысяч его солдат и офицеров оказались в плену. Обосновывая бегство «истинных арийцев» с территории СССР, геббельсовская пропаганда плела паутину дезинформации, а наши союзники сообщениям Совинформбюро доверяли не вполне: слишком велики были масштабы разгрома немцев, это выглядело фантастично.

Главковерх Сталин, решивший поставить жирную точку в конце данного этапа информационной войны, будто бы обратился к своим подчиненным: «Вы берете пленных, а вам почему-то не верят ни враги, ни союзники. Не скрывайте пленных, покажите их, пусть все посмотрят».

Тремя десятилетиями ранее, в 1914-м, немцы провели по Кёнигсбергу захваченных в плен русских из армии генерала Самсонова. Сталин, Василевский и другие советские полководцы хорошо помнили об этом. Но куда свежей в памяти наших руководителей были обещания Геббельса — организовать в поверженной Москве парад триумфаторов, непобедимых «сверхчеловеков».

В феврале 1944-го по улицам и площадям Рима понуро шествовали пленные американцы: итальянским фашистам и германским нацистам нужно было продемонстрировать, что власть Муссолини крепка. Стронники дуче забрасывали «гостей» мусором, кричали на них и вообще вели себя крайне агрессивно...

В 1940-е не было в СССР более популярного зарубежного фильма, чем «Большой вальс». Посвященная судьбе Иоганна Штрауса картина появилась у нас еще до войны, по всем кинотеатрам Союза ленту прокатывали снова и снова. Кстати, никого не смущало, что главную роль в «Большом вальсе» исполнила Милица Корьюс, а музыку для фильма аранжировал Дмитрий Темкин. Оба являлись выходцами из России, то есть в известном смысле белоэмигрантами.

Штрауса в нашей стране понимали и ценили еще со времен его триумфальных выступлений в Петербурге.

Неизвестно, кто предложил акцию с пленными гитлеровцами назвать в честь жизнерадостного му-

зыкального фильма, но в любом случае получилось изящно и афористично. Во-первых, огромная масса немцев (и других непрошенных гостей) действительно двигалась по кругу — по Садовому кольцу. Во-вторых, «вальс» был знаком того, что война вот-вот закончится и настанет счастливое время, которому под стать музыка Штрауса.

Была и третья причина: выдающийся австрийский композитор — «почти немец». Нужно было подчеркнуть, что «Гитлеры приходят и уходят, а немецкий народ остается», что наши соотечественники ценят и уважают культуру Германии, если она не имеет отношения к нацизму и военной экспансии.

Операция, которую готовили секретно (даже в Политбюро не все знали об этой затее Сталина), в техническом плане прошла безупречно. Чтобы перевезти пленный в Москву, понадобилось 40 железнодорожных эшелонов. Прохождением колонн руководил командующий войсками Московского военного округа генерал-полковник Павел Артемьев. Бывших захватчиков сортировали на Московском ипподроме и аллеях стадиона «Динамо» — поблизости от главной магистрали столицы, Ленинградского шоссе. Раненых и больных оставили на госпитальных койках, из массы пленный отобрали самых крепких. Разумеется, не каждый участник марша считался военным преступником, но заплатились все заслуженно — за то, что пришли к нам грабить, убивать и поработать. Утром 17 июля радио сообщило на весь мир о предстоящем «параде», и москвичи заполнили улицы, чтобы не пропустить зрелище.

Было очень жарко — около 40 градусов на солнце к полудню. Маршрут пролегал от ипподрома по Ленинградскому шоссе в сторону площади Маяковского, где колонна разделилась. Наибольшая группа (42 тысячи) продолжила шествие по Садовому кольцу — посолонь, в сторону Курского вокзала. Остальные шли против часовой стрелки и завершили движение возле железнодорожной станции Канатчиково (неподалеку от нынешней станции метро «Ленинский проспект»).

Их сопровождали всадники кавалерийского полка дивизии имени Дзержинского с обнаженными шашками, солдаты 236-го полка конвойных войск НКВД и красноармейцы. Никто из пленный бежать не пытался. Конвоиры улыбались: только попробуйте дать деру, нигде не скроетесь. Удирать действительно было некуда: кругом Россия — непокоренная и уже победившая.

Сколько раз Гитлер и Геббельс предрекали Москве гибель, а русскому народу — рабскую участь. Захватчики промаршировали по Белокаменной лишь под конвоем.

Генералов отличить можно было сразу: они ковыляли в довольно приличных мундирах, при орденах. Далее следовали полковники. А позади — нескончаемый

ФОТО: РИА НОВОСТИ

поток офицеров и солдат. Кое-как обутые, оборванные, многие из них несли через плечо на веревках консервные банки — использовали их вместо котелков. Одни с любопытством озирались по сторонам: сообщение германского радио, что столица большевиков после бомбежек лежит в руинах, оказалось неправдой. Другие пытались сохранять горделивую осанку, демонстрировать офицерский характер. Третьи выглядели подавленными, пристыженными. Объединяло подконвойные шеренги общее чувство — уныние. Москвичи глядели на этот бесконечный поток как завороненные, каждый шаг пленных приближал долгожданную Победу.

Одним из первых брел в той веренице любимец Гитлера, командир 78-й штурмовой дивизии генерал-лейтенант Ханс фон Траут. Рядом с ним шагали два пехотных генерала Пауль Фёлькерс и Фридрих Гольвитцер. Неподалеку — военные преступники, бывшие коменданты советских городов генерал-майоры Готфрид фон Эрдмансдорф и Адольф Хаманн.

Был там и генерал-лейтенант Винценц Мюллер. Участник двух мировых войн, он дал в плену согласие войти в антифашистский комитет «Свободная Германия». В 1948 году поступит на службу в армию ГДР. Его воспоминания опубликуют и в Советском Союзе, и за рубежом.

Командир разгромленной 12-й пехотной дивизии 4-й армии группы «Центр» генерал Рудольф Бамлер также активно сотрудничал с советскими властями.

Этот участник марша побежденных станет коммунистом и сотрудником спецслужб ГДР.

Марш прошел в самый обыкновенный понедельник, рабочий день. Трудовые коллективы с предприятий никто не отпускал и организованным сбором зрителей не занимался — народу и без того хватало. На улицы вышли те, у кого была возможность наблюдать за невиданным шествием, многие дежурили у окон и на балконах.

Сурово и убедительно звучали слова диктора: «Они мечтали пройти по улицам Москвы — Красная Армия дала им такую возможность». Да, это был акт возмездия. Почти три года враг хозяйничал в наших городах и селах, топтал русскую землю, выжимал из людей в оккупации все соки, грабил, жег, насиловал, убивал.

Москвичи встретили гитлеровцев глухим молчанием. У многих на фронте погибли мужья, отцы, сыновья, братья, пропали без вести, сгинули в концлагерях родные и близкие. О зверствах гитлеровцев на оккупированной территории знали все, однако русский народ не мстителен. Наши фронтовики были беспощадны к вооруженному врагу, а с безоружным обращались гуманно. Несмотря на разруху и бедность, сердобольные женщины бросали пленным хлеб, как говорил о разбитых оккупантах у Толстого Кутузов: «Тоже и они люди».

Молчание великого города произвело на очевидцев очень сильное впечатление. «Советские люди не проронили ни звука, никто не двигался. За время

марша был всего один инцидент: какой-то старичок, не в силах сдерживать чувства, прорвался сквозь оцепление, бросился к первому гитлеровцу, обругал его страшными словами, плюнул в лицо», — писала Люсетт Моро, переводчица французской военной миссии в Москве.

Воспоминания немцев о том «параде», как правило, лишены чувства обиды. Они вполне осознавали свою вину. «Это все равно что после триумфа попасть на самое дно... Мы чувствовали оцепенение», — признавался бывший ефрейтор Карл Хоффман.

«Те, кто шел по краям колонны, смотрели на москвичей, а они смотрели на нас, — вспоминал Бернхард Браун. — Я задался вопросом, испытывал ли я унижение. Наверное, нет. На войне случаются гораздо худшие вещи. Мы привыкли выполнять приказы, поэтому, когда шли по московским улицам, просто выполняли приказ наших конвоиров».

В колоннах шли не только немцы. Там шагали румыны, венгры, даже французы. Между тем в рядах зрителей оказались жившие в то время в Москве французские антифашисты. Среди них — знаменитый генерал Эрнест Пети, соратник де Голля.

Военнопленные родом из Третьей республики сразу приметили генерала, закричали ему: «Вив ля Франс! Нас призвали насильно, мы против Германии». Пети ответил отборной бранью, а потом четко произнес: «Кто не хотел, тот пошел с нами».

К семи часам вечера «бал» был закончен, а его участников разместили по вагонам. Настало время отмывать Москву. Наша столица в те годы редко видела поливальные машины: не хватало горючего, все шло на фронт. Поэтому всем запомнилось, как вслед за пленными двигались по улицам чистившие город грузовики — чтобы от гитлеровских вояк не осталось и следа.

На следующий день фотографии понурых немцев появились во всех газетах стран антигитлеровской коалиции.

Нарком внутренних дел Лаврентий Берия докладывал, что во время «парада» происшествий не случилось. Только четверо гитлеровцев отстали от колонны и не смогли продолжить движение. Их отправили в санитарный поезд. С пленными у нас обходились сурово, но человечно, содержали их, по меркам военного времени, пристойно.

Современная Европа старательно забывает о заслугах Красной Армии в искоренении нацизма и победе над Германией с ее сателлитами. В ход пошла фальшивая версия, согласно которой решающую роль во Второй мировой сыграл англо-американский десант. Памятники истинным героям войны ныне мало кто защищает.

В Германии и других странах «цивилизованного мира» появляются статьи о «бесчеловечной» акции Сталина, проводшего пленных европейцев по улицам собственной столицы. Говорят и пишут о нарушении «законов войны», Женевской конференции.

Муссируются провокационные, не подкрепленные документами

легенды о свирепом обращении с немцами наших конвоиров, однако в качестве аргумента предьявляется только лютая неприязнь к Советскому Союзу и России.

Марш прошел без эксцессов и каких-либо драматических последствий. Разумеется, он был необходим, следовало наглядно показать и друзьям, и врагам: наша берет. Надо было придать уверенность в скорой победе тем, кто рвал жилы у станков и конвейеров, в полях и шахтах, вдохновить парней-новобранцев, которые летом 1944 года готовились к первым боям.

Москва навсегда запомнила «Большой вальс». Недаром фотографии этого действия Георгий Жуков поместил в своей книге «Воспоминания и размышления». И сейчас, всматриваясь в кадры кинохроники, запечатлевшей события 75-летней давности, нетрудно осознать масштаб всенародного подвига, сломавшего прежде безотказную, непобедимую машину гитлеровского Рейха.

Что же касается собственно вальса, то это самая что ни на есть военная, победная музыка. Все лучшие русские марши написаны в его ритме.

Символ веры

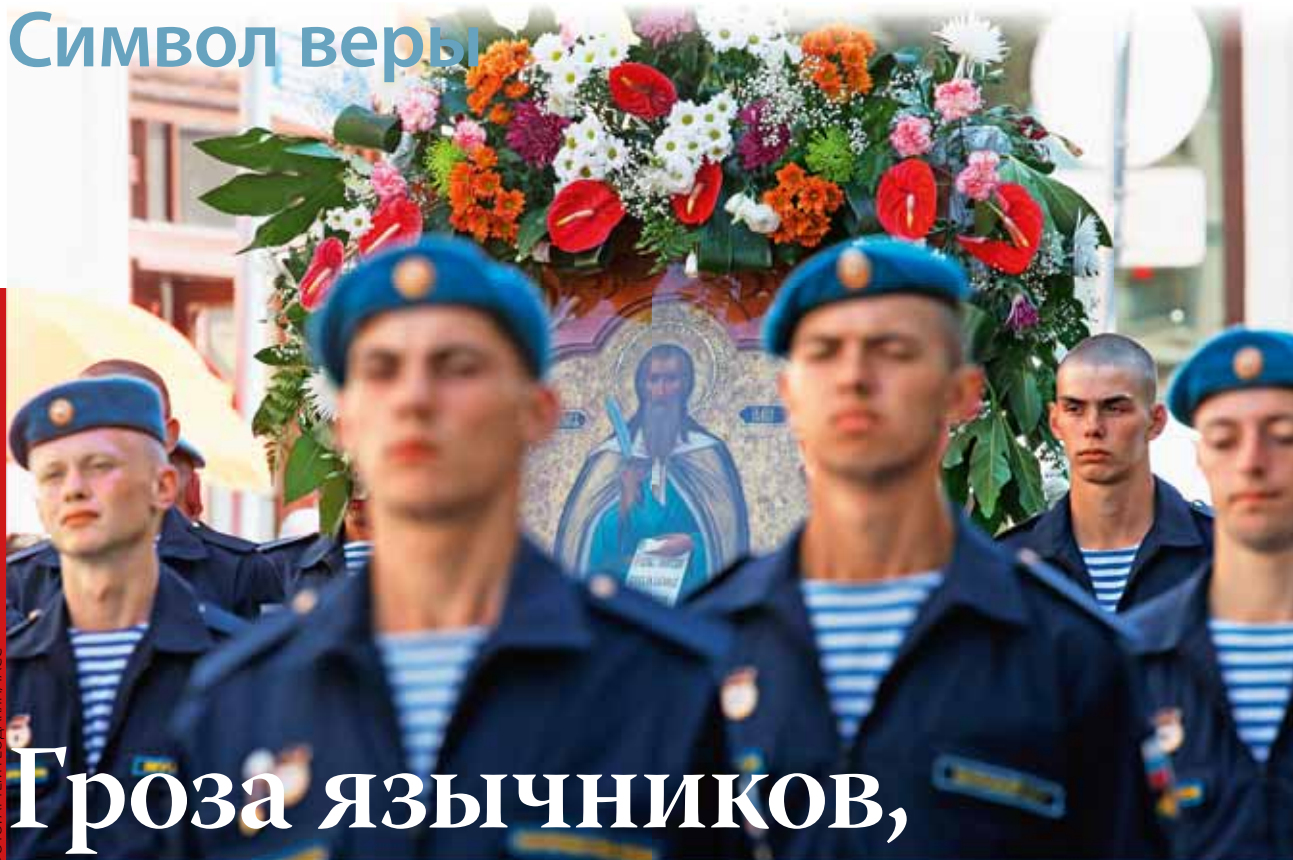

ФОТО: АРТЕМ ГЕОДАКЯН/ТАСС

Гроза язычников, заступник ВДВ

Валерий Шамбаров

Ильин день, ежегодно отмечаемый у нас 2 августа, издревле почитался на Руси особо: повсеместно прекращались любые работы, люди шли в церкви, в селах мужики всей общиной усаживались за пиры-братчины. Были и веселые гулянья с хороводами, песнями, плясками — впервые после начала полевой страды. Илью-пророка молили о благоприятной погоде, хорошем урожае, благополучии в семье. В храмах на его праздник освящали семена для будущего посева, священникам заказывали ритуал окропления скота святой водой. Если в этот день шел дождь, то набирали воду: верили, что она помогает от болезней, нечисти, порчи. По разным приметам в Ильин день предсказывали погоду.

В ВЕТХОЗАВЕТНЫЕ времена, до прихода Спасителя, Господь являл простым смертным многих пророков. Но праздники тех святых стали со временем сугубо церковными, никогда не пользовались в народе особым вниманием. Храмов и монастырей в их честь тоже не строили, а Илии — посвящали везде, начиная с первой на Руси церкви в Киеве или той, что была основана св. Ольгой в ее родном селе Выбуты. Бытовало поверье: Илья-пророк разьезжает по небу на огненной колеснице, разгоняя нечисть громами и молниями. В не-

которых местах его образ соединился с самым известным героем наших былин — Ильей Муромцем. Люди рассказывали о том, как пророк сидел на печи 33 года, после чего был призван Господом на подвиги.

В чем же причина такой популярности? Исследователи-атеисты пытались внедрить примитивную версию: мол, в массовом сознании некоторых народов Илия всего лишь заменил культ языческих громовержцев — Зевса, Перуна и им подобных. Что ж, некоторые атрибуты совпали — те же грома с молниями. Были заимствованы из дохристианских времен некоторые приметы и обычаи. Но в целом согласиться с атеистическим объяснением нельзя. К примеру, ни Перун, ни Зевс покровителями крестьян не считались — только воинов. Но главное противоречие, конечно же, в духовно-религиозной сути. Илия — непримиримый борец с язычеством, даже его имя означает «Мой Бог — Яхве». И вся его земная жизнь была неотделима от Промысла — начиная с рождения, когда его отцу было видение небесных старцев, пеленавших младенца огнем.

Этап служения пришелся на крайне сложный период. Цари Израиля из политических либо каких-то иных соображений предали веру, увлекли подданных в идолопоклонство. Критический момент настал в правление Ахава, который женился на финикийке Иезавели и попал под ее влияние. Он установил государственный культ Ваала и Астарты с обрядами человеческих жертвоприношений и ритуальной проституции. Тех же, кто остался верным Истинно-

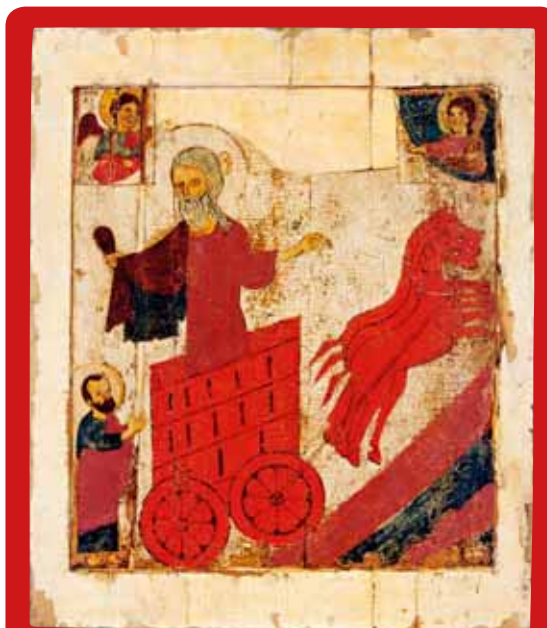

му Богу, изгоняли из страны, а Его служителей и вовсе казнили. Население, как это часто бывало в истории, потянулось за своим нечестивым вождем: кто-то — из страха, другие — из желания подольститься, третьи с радостью поддались языческому соблазнам. Казалось, человеческая вера в Бога умирает.

Илия взялся ее спасти, принялся горячо молиться о наказании для собственного народа. Почему? Потому что понимал: только суровое вразумление может привести людей к покаянию и исправлению чудовищного зла. Он без страха явился во дворец и обвинил Ахава в отступничестве.

Именем Господа провозгласил: отныне на землю не выпадет ни дождь, ни роса до тех пор, пока об этом не попросит Илия. Внутренняя сила, духовное величие пророка были таковы, что изумленный царь и стража тронуть его не посмели. Народу же наказание исполнилось: наступили засуха, неурожай, голод.

До всеобщего покаяния было далеко. Напротив, Иезавель подговорила мужа возобновить преследования за веру и организовать розыск предвестника бедствия. Бог спрятал его в укромном месте, у потока Хорафа, а хлеб и мясо ему приносили вороны. Засуха тем временем становилась все более страшной, пересыхали ручьи, реки, падал изможденный скот. Писание гласит о том, что Господь был готов помиловать землю Израилеву, послать дождь. В конце концов, именно Он дал людям свободную волю, и если те упорствуют в язычестве, то это их выбор. Илия умолил Господа продлить наказание. И это тоже было проявлением че-

«Вознесение пророка Илии».
Новгородская икона XIII в.
(Из собрания банка «Интеза»)

СИМВОЛ ВЕРЫ

ловеколюбия: пусть засуха погубит многих, но если люди не покаются, то для вечной жизни погибнут все. Между тем пересох поток, поивший и самого Илию. Он страдал вместе со страной, пока Бог не направил его в Сарепту Сидонскую. Там пророка приняла местная вдова. Твердая в своей истинной вере женщина не пожалела для него последней горсти муки и оставшихся капель масла и тут же была чудесно вознаграждена: мука и масло у нее не заканчивались, позволяя прокормить и гостя, и ее саму вместе с сыном. А когда ребенок заболел и умер, Илия его воскресил.

После трех лет засухи Бог все же помиловал Израиль, направил к Ахаву Своего пророка, предварительно известив: царь уже всю колеблется, готов перестать упорствовать. И действительно, по зову Илии Ахав поспешил навстречу. Правда, все еще продолжал изображать надменность и упорство в своем заблуждении: «Ты ли это, развращающий Израиль?» Пророк решительно поставив его на место и указав, что людей развращает их правитель, потребовал собрать на горе Кармил народ, а также позвать 450 высших жрецов Ваала. На сей раз царь уже не перечил.

В назначенный день многим тысячам собравшихся Илия поставил условие: он принесет жертву своему Богу, а его противники — своему; настоящий Господь испрошет огонь на жертвенник, а те, кто сманивает к поклонению ложному божеству, должны умереть. Все признали это условие справедливым.

От язычников выступали маги высших степеней. Целый день они взывали к духам, исполняли оккультные пляски, хлестали себя бичами, но в присутствии избранника Божия демоны оказались бессильны.

Илия — уже под вечер — из 12 камней соорудил жертвенник, возложил на него тельца, приказал залить водой и дрова, и жертву, на-

А. Волков. «Пророк Илия, воскрешающий сына Сарептской вдовы». 1854

полнить выкопанный вокруг ров. Стоило пророку вознести молитву, как с неба упал все воспламенившийся огонь. Ошеломленный народ пал ниц, каясь, истощно вопил, признавая Единого Бога. Илия, которого уже готовы были слушать беспрекословно, приказал задерживать всех жрецов Ваала, а затем перебил их собственноручно. Когда он воззвал к Господу, стали собираться тучи, а затем хлынул дождь. Уже и Ахав горько каялся при виде случившегося, а пророк, радуясь его обращению, был воодушевлен настолько, что всю дорогу до столыцы — порядка 30 км — бежал впереди царской колесницы.

Секрет его тысячелетней популярности заключен как раз в этом: он — грозный, бескомпромиссный победитель язычества. Не случайно его храмы возводились обычно на местах порушенных капищ. Защитник истинной веры, он может посылать или, наоборот, сдерживать дожди, влиять на урожай — покровительствовать земледельцам. Засухи, бури, град, другие бедствия в прежние века воспринимались как наказание за те или иные грехи, нарушения заповедей. А смягчить небесные кары можно было теми способами, которые указал Илия, — раскаянием и молитвой.

Пожалуй, есть еще одна причина народной любви к нему. В земной жизни он проявлял себя не только как великий пророк, но и как обычный, далеко не всемогущий человек. Ведь даже вышеописанный триумф оказался мимолетным: грандиозных чудес на горе Кармил хватило всего лишь на один день. Разъяренная Иезавель быстро подавила благие порывы Ахава и потребовала расправы над «обидчиком». Население Израиля было тотально испорченным, ни один не вступился за Илию. Ему снова пришлось бежать — не из страха смерти, он неизменно, чисто по-человечески, устал, пребывал в отчаянии, поскольку все его усилия пошли прахом.

Но ему был послан ангел, который накормил его и привел в пещеру на горе Хорив. Здесь пророку явился Сам Господь. Прокатилась страшная буря, разразилось землетрясение, запыхал огонь. Своего же избранника Он приветствовал тихим, участливым вопросом: «Что ты здесь, Илия?» Выяснилось, что пророка угнетала не собственная участь, а судьба народа, тревожило будущее: все праведные священнослужители оказались уничтожены, убьют Илию — и оборвется связь людей с Богом...

СИМВОЛ ВЕРЫ

Но Он снова его утешил — ведь то, что не по силам даже пророку, подвластно Ему, — дал понять: вера не погибнет, Илия не один, в народе сокрыто еще семь тысяч тайных рабов Божиих. Приоткрыл и завесу будущего: дом Ахава скоро падет. Дал конкретные задания: наставить на царствование благочестивого Ииуя, а себе подготовить на земле замену — Елисея.

После этого Илия стал действовать решительно, поскольку знал теперь волю Господа и чувствовал за собой Его безграничную силу. Тем временем Ахав и Иезавель совершили новое преступление. Некий Навуфей отказался продать царю понравившийся ему виноградник. Царица этого владельца оклеветала, и безвинного казнили, отобрав собственность. Но как только Ахав пошел осматривать приобретение, на пути встал Илия, который известил: их злодеяниям пришел конец, все семейство истребится.

Так и случилось. Через три года царь выступил на войну с сирийцами, и произошла уникальная битва. Была выпущена лишь одна случайная стрела, и поразила она единственного человека, Ахава. Войско его бежало.

На трон взшел сын убитого Охозия, который вскоре случайно выпал из окна и получил тяжелые травмы. Послали к оракулу Вельзевула (одно из проявлений Ваала) узнать, когда он выздоровеет. Гонцов встретил Илия и сурово указал: поскольку царь обращается не к Богу, а к нечисти — с постели не встанет. Узнав об этом, Охозия отправил за пророком 50 солдат. Их командир попытался арестовать избранника Божия, но с неба упал огонь и пожег всех царевых слуг. То же самое случилось со вторым отрядом. Третий начальник с солдатами пали со страхом на колени, умоляли их пощадить. Что ж, смиренную просьбу пророк выполнил, тут же пошел к правителю и повторил вердикт: за свое нечестие ты обречен.

Ю. Шнорр фон Карольсфельд.
«Поражение пророков Васаловых»

Теперь Илию боялись, никто не задерживал — при том, что после смерти Охозии воцарился его брат, такой же закоренелый язычник Иорам.

Св. Илия успел помазать на царство указанного Господом воина Ииуя. Вскоре восстание почитателей Истинного Бога покончило с Иорамом и его матерью Иезавелью. Свыше Илии дано было знать, что настало время покинуть мир людей. В последнем путешествии его сопровождал верный ученик Елисей, который просил дать ему пророческий дух вдвое более сильный, чем у наставника. Потом появилась огненная колесница и унесла Илию. К ногам Елисея упал с высоты плащ учителя — в знак того, что просьба исполнена, и наследник удостоился великой благодати.

Благодаря описанным событиям становятся очевидны и другие причины особого почитания у нас св. Илии. Он защищает справедливость, строго карает хищничество и беззакония, а это для русского человека всегда было крайне важным.

Илью-пророка считают в России одним из покровителей ратников, защитников Отечества. Ведь он и сам был настоящим воином, сражался за веру, за правду Божию. В наши дни его признают как небесного шефа воздушно-десантных

войск и военно-воздушных сил. И дело тут не только в профессиональном празднике, который у ВДВ совпадает с Ильиным днем, а у ВВС близок по дате. Нетрудно заметить аналогии: небесные колесницы, огонь и сокрушающие удары свыше, готовые обрушиться на любых врагов, угрожающих Русской земле.

Православных людей величественная фигура Ильи-пророка привлекает еще и тем, что он, живший за 9 веков до Христа, оказывается во многом близок к образу Спасителя. Чудеса в Сарепте Сидонской с неиссякаемыми мукой и маслом, воскрешением сына вдовы фактически предварили то, что совершал Христос. Оживленного Илией мальчика, по преданию, звали Ионой, он тоже стал пророком, и его трехдневное пребывание во чреве кита служит пророчеством о погребении и Воскресении Спасителя. Св. Илия неоднократно упоминается в Евангелиях. Вместе с Моисеем он явился на горе Фавор во время Преображения Господня, беседовал с Иисусом Христом, и это засвидетельствовали апостолы.

Его земной подвиг еще не завершен. Илия вместе с праведным Енохом должен явиться перед Вторым Пришествием Христа и обличить антихриста.

Забавы молодецкие

ФОТО: АНДРЕЙ ИГЛОВ/РИА НОВОСТИ

Под крылом «Совы»

Наталья Макарова

Прыжки с парашютом, военно-полевые сборы, на которых учат стрелять, метать гранаты и ножи, — так проходят летние каникулы у воспитанников военно-патриотического объединения «Сова».

Пока сверстники отдыхают, ребята готовятся к выступлению парадных расчетов, которое по традиции пройдет на Красной площади 2 августа, в День ВДВ.

«**С О В А**» существует уже шесть лет, ей оказывают поддержку общественные организации «Ветераны десанта и спецназа городского округа Химки» и «Союз десантников России». Принимают в ВПО с 10 лет. Ребята здесь ждут интенсивные спортивные тренировки три раза в неделю. Армейский рукопашный бой, метание ножей, прыжки через барьеры, скалолазание, сборка-разборка АК и ПМ, метание гранаты, — это далеко не полный список занятий в «Сове». С 14 лет можно приобщиться к парашютной подготовке.

— Во время первого прыжка совсем не страшно, не осознаешь, что происходит. Второй — пострашнее. А в общем и целом — ощущения невероятные, — делится впечатлениями восьмиклассница Екатерина Чиханова.

На ее счету уже три прыжка. Выполняла их с высоты 800 метров, без инструктора.

— Тут самое главное — перебороть себя, пересилить страх. Привлекаем к этому лишь тех, кто готов морально, — подчеркивает руководитель клуба Дмитрий Кириллов. — Я всегда рядом с ребятами, прыгаю с ними, провожу видеосъемку.

Прежде чем перейти к практике, они осваивают теорию: штудируют учебные пособия, раскладывают и складывают парашюты.

— Прыжки с парашютом — дело ответственное. Прежде чем допустить к ним подростков, серьезно отрабатываем дисциплину — основу основ. Хотя именно это многим не нравится. Те, кого не устраивают высокие требования дисциплины, долго у нас не задерживаются, — рассказывает Дмитрий Кириллов. — Те же, кто вливается в команду, никогда об этом не жалеют. В прошлом году один из наших парней поступил в Рязанское высшее воздушно-десантное командное училище. В отпуск приехал к

ФОТО: ИТАР-ТАСС

Василий
Маргелов

нам на полевой выход. Статный, подтянутый, энергичный. Общался с моими подопечными, рассказывал о службе.

Военно-полевые сборы проходят в «Сове» каждое лето. Живут ребята

та в палатках. Сами обеспечивают себя всем необходимым: готовят, поддерживают чистоту. Здесь на забалуешь.

— Дома не помыл посуду — мама помоеет. У нас такого, естественно, нет. Мы приучаем всех к правилу: если сам не сделаешь, никто за тебя делать не будет. К тому же срабатывает чувство коллективизма. Кому хочется быть белой вороной, подводить или настраивать против себя товарищей, — объясняет Кириллов.

Главный кумир здесь — конечно же, Василий Маргелов, Герой Советского Союза, генерал армии, много лет командовавший Воздушно-десантными войсками СССР. В общении между собой воспитанники «Совы» нередко используют его высказывания: «Сбит с ног — сражайся на коленях, идти не можешь — лежа наступай».

В прошлом году члены ВПО участвовали в торжественной церемонии открытия памятника

ФОТО: ЛЕВ ПОЛКШАИН/РИА НОВОСТИ

Общевойсковые учения «Двина». 1970

Маргелову. Не просто «открыли и забыли» — несут вахту, приносят к монументу цветы.

— Я сам занимался в таком клубе, когда был 12–13-летним. Раньше это можно было назвать путевкой в жизнь. Там обучали главным в жизни вещам: как стать личностью, что есть товарищество. До сих пор дружу с теми, с кем когда-то мальчишками пришли в военно-патриотический клуб. А еще этот опыт пригодился во время срочной: в армию я пришел как к себе домой, — вспоминает Кириллов.

За его плечами — годы в разведке, в том числе в составе оперативной группы войск в Приднестровье. Потом — войска специального назначения на Северном Кавказе. Из армии уволился при Сердюкове. «Тогда у многих глаза потухли, — вспоминает Кириллов, — но без службы долго не выдержал, пришел в «Сову». Занимаюсь любимым делом, передаю опыт следующим поколениям».

Другие инструкторы — также военнослужащие. Название клуба, кстати сказать, произошло от армейского прозвища Кириллова: он довольно часто не спал по ночам — «служба обязывала». Для новой «аббревиатуры» подопечные придумали актуальную расшифровку: Совесть, Отвага, Верность, Анти-террор.

Наставник нередко делится с ребятами воспоминаниями из армейского прошлого. Благо за годы служб повидал разное.

Часть воспитанников выбирает военную стезю. Зря им, что ли, звания присуждают, хоть и с приставкой «вице-». Повышения по службе даются за особые заслуги: участие в мероприятиях, победы в спортивных соревнованиях, хорошую успеваемость, примерное поведение.

— Пополнять ряды военнослужащих никого не принуждаем. Ребят все это привлекает прежде всего потому, что авторитет армии сегодня на высоте. В период моей службы о

таким, как сейчас, военно-техническом оснащении мы даже мечтать не могли. Хотя, что скрывать, радуемся, если наши воспитанники выбирают военную службу. Но образованные и всесторонне подготовленные люди нужны везде. Не устаю объяснять: в первую очередь ты должен быть человеком — уважать старших, не нарушать законы, жить по совести.

Пока разговариваем, Дмитрий Игоревич внимательно следит за тем, как его подопечные оттачивают мастерство, отрабатывают элементы показательных выступлений — захваты, броски через плечо, построение пирамиды. Приемы и комбинации подчас связаны с высоким травматизмом. Очень активно проявляют себя девчонки.

— Девочек у нас немного, порядка десяти процентов. Зато они боевые, на соревнованиях по рукопашному бою призы берут, — не скрывает гордости наставник. — Вот Катя, когда появилась у нас, была такая тон-

ЗАБАВЫ МОЛОДЕЦКИЕ

ФОТО: ГРИГОРИЙ СЫСОВ/РИА НОВОСТИ

семиклассник Михаил Сизов. — Не каждому удастся увидеть живую министра обороны России Сергея Шойгу или председателя «Союза десантников России» Валерия Востротина.

Сегодня в ВПО «Сова» входят около ста учащихся из пяти школ Химок. Время от времени они соревнуются с другими объединениями десантного профиля — из Ярославля, Пензы, Тулы и других городов. В планах у руководителей — создать на базе клуба центр подготовки допризывной молодежи. Так что будущее у «Совы» есть.

кая-звонкая, прозрачная девчужка, а сейчас — боец, наша гордость.

— Раньше занималась биатлоном. Сюда на первое занятие пришла из интереса, отработывали приемы самообороны. Потом втянулась: разнообразие дисциплин, увлекательная жизнь, коллектив, — говорит Екатерина Чиханова. — В нашей семье нет военных, и родители сначала сильно удивились моему выбору. Потом приняли. Знакомые обычно относятся с непониманием, говорят: «Ты же девочка, зачем тебе это?» Но мне здесь интересно. В будущем хочу пойти служить в ФСБ.

— Больше всего мне нравится встречаться с выдающимися военными, — включается в разговор

ФОТО: ГРИГОРИЙ СЫСОВ/РИА НОВОСТИ

Показательные выступления юных десантников. 2018

Люди и вещи

ФОТО: МАРИНА КРУГЛЯКОВА/ТАСС

Качнется купол в небе

Сергей Алдонин

С тех пор как в небе появились первые летательные аппараты, древнегреческая сказка об Икаре стала, по сути, былью. Но воспарить — это одно, а плавно, без ущерба для жизни и здоровья спуститься с небес на землю — совершенно другое. Считается, что первое средство, позволяющее избежать травмоопасного падения с огромной высоты, изобрел в XV веке неутомимый Леонардо да Винчи. Правда, в те годы еще даже простейших аэростатов не существовало. Когда же у людей появились самолеты, некоторое время в ходу были громоздкие, прикреплявшиеся к ним зонтичные парашюты. Тяжелые, ненадежные, они часто выходили из строя, да и в работоспособном состоянии раскрывались с трудом. Неудивительно, что авиаторы их не любили. На выручку покорителям неба пришел в начале XX столетия русский актер, офицер, акцизный чиновник Глеб Котельников.

Изобретательный артист

Он не был инженером, конструктором, не имел соответствующего образования. До сорока лет ничто в его биографии не указывало на то, что этот человек станет автором одного из самых удивительных и полезных открытий XX века.

В доме отца, профессора математики, всегда музицировали.

Глеб играл на мандолине, рояле, считался подающим надежды скрипачом, мечтал о консерватории. Но было у него еще одно увлечение — конструирование. Он удивлял родных необычными поделками. В 13 лет собрал настоящую фотокамеру, имея в своем распоряжении лишь подержанный объектив. Все остальное смастерил сам, даже фотоластинки изготовил без посторонней помощи. К восторгу родителей, камера исправно работала.

Детская идиллия закончилась быстро. Цветущий жизнелюб профессор Евгений Котельников скоропостижно умер. Семейное благосостояние пошатнулось, и будущий изобретатель поступил в Киевское военное училище.

Затем тянул служебную лямку в Ивангороде.

Особой радости ему это не приносило, душа стремилась к Мельпомене, и он находил отдушину в любительских постановках. В армии Глеб Котельников выдержал неполных три года. Выйдя в отставку, превратился в мелкого чиновника. Вскоре обзавелся семьей и стал многодетным отцом. Служба досталась ему скучноватая — акцизное ведомство. Но она позволяла уделять время старым увлечениям, стать худуком театральной студии, продолжить конструирование диковинных машин: велосипеда с парусом, разливочного аппарата для винокурного завода...

В 1910 году Глеб Евгеньевич решил круто поменять жизнь, бросил бюрократическое поприще. Вернулся в родной Петербург, чтобы, как в детстве, погрузиться в артистическую среду. Ему было под сорок, у него росли трое детей, не было накоплений и недвижимого имущества. Заручившись поддержкой супруги, он стал профессиональным актером, поступил в труппу Народного дома. Сценическое имя Глебов-Котельников довольно скоро стало известно столичным театрам.

Тогда, на заре XX века, он полюбил авиационные представления, которые разыгрывались для петербуржцев на Комендантском аэродроме.

Осенью 1910-го на Всероссийском празднике воздухоплавания случилась трагедия: разбился летчик Лев Мациевич. Самолет развалился на высоте, на глазах потрясенной публики. В той толпе находился и Котельников. Это была первая русская авиакатастрофа. Позже изобретатель вспоминал: «Гибель молодого летчика в тот памятный день настолько меня потрясла, что я решил во что бы то ни стало построить прибор, предохраняющий жизнь пилота от смертельной опасности».

Его скромная комнатка надолго превратилась в мастерскую. Там создавались каркасы из проволоки и деревянных реек, продумывались способы упростить «систему управления» парашютом. Главным консультантом в вопросах воздухоплавания стал Александр Родных, знаток авиации, писатель-фантаст, единомышленник Циолковского.

Над разработкой спасательных средств для летчиков к тому времени не один год работали ведущие технические умы Америки, Англии, Франции, и похвастать им было нечем. У Котельникова некоторое время тоже мало что получалось.

Однажды в театре, в полумраке, он заметил, как некая увлеченная спектаклем дама ловко достала из маленькой изящной сумочки огромную шелковую шаль. Для него этот момент сыграл ту же роль, что яблоко для Ньютона. Прежде Глеб Евгеньевич проводил эксперименты с тяжелым льном, а тут обнаружил чудодейственные свойства китайского шелка. Но главное открытие состоялось в другом. Именно Котельников первым уложил изобретенное им средство «против падения» (так переводится на русский слово «парашют») в небольшой, заплечный, крепившийся к телу ранец. На дне была специальная полка, а под ней — сильные пружины: при выдергивании стопорного кольца парашют моментально выбрасывался наружу. Маневренно, компактно и удобно.

Изучив многочисленные чертежи предшественников, наш талантливый самоучка понял: «Для применения на самолете необходим легкий и прочный парашют. Он должен быть совсем небольшим в сложенном состоянии... Главное, чтобы парашют всегда находился при человеке. В таком случае летчик сможет спрыгнуть с любого борта или крыла самолета».

Г. Котельников
с женой Юлией

Первый русский бомбардировщик «Илья Муромец»

Сначала Котельников планировал поместить свою конструкцию в летчицкий шлем — шелк для этого подходил идеально. Специальная спиральная пружинка должна была в случае необходимости выталкивать спасательное устройство из головного убора. Позже изобретатель понял: закреплять парашют следует как минимум в двух точках, распределив его по телу пилота, иначе порыв зонта в момент его раскрытия окажется слишком резким. Глеб Евгеньевич разделил стропы надвое, прикрепив их к подвесным лямкам. Тогда-то и пришла идея ранца, в котором компактно помещался шелковый купол. В первой модели использовалась металлическая сумка — брезент и другие материалы появятся позже. Чтобы раскрыть парашют, авиатор должен был дернуть за шнур. Имелся также механизм для аварийного раскрытия ранца — на случай, если летчик потеряет сознание.

У Котельникова не было денег для организации масштабных испытаний. Подвесивая к опытным образцам грузы, он сбрасывал их с колоколен, использовал воздушных змеев.

В поисках поддержки написал летом 1911-го обстоятельную записку военному министру Владимиру Сухомлинову: «Длинный и скорбный синодик жертв в авиации сподвигли меня на изобретение довольно простого и полезного устройства для предотвращения гибели авиаторов при аварии в воздухе». Просил субсидию на постройку опытного образца ранцевого парашюта и сообщал: «В Новгороде кукла сбрасывалась с высоты 200 метров, из 20 раз ни одной осечки. Формула моего изобретения следующая: спасательный прибор для авиаторов с автоматически выбрасываемым парашютом... Готов испытать изобретение в Красном Селе».

Ответа не последовало: в портфель министра записка не попала, ее отправили в корзину. Столначальников можно понять, ведь к ним обращался не инженер, а «всего лишь» актер в чине коллежского асессора. У чиновников изобретатель доверия не вызвал. А знакомств в высших кругах у Котельникова не было.

Дерни за веревочку, парашют и откроется

«Парашют в авиации — вещь вредная, так как летчики при малейшей опасности будут спасаться, предоставляя самолеты гибели. Мы ввозим самолеты из-за границы, и их следует беречь. А людей найдем, не тех, так других!» — это высказывание одного из представителей властей предрежащих не выглядело проявлением особой бесчеловечности. К примеру, на флоте некоторое время существовала традиция: моряк не обязан уметь плавать, погибать или спасаться он должен вместе с кораблем.

Военные чиновники в то время привычно полагались на технический ум Запада, а значит, все было как всегда — «нет пророка в своем отечестве». Котельников тем не менее не сдавался.

В конце концов министр назначил комиссию для рассмотрения его ноу-хау. Председательствовал в строгом жюри куратор воздухоплавательной службы генерал Александр Кованько. Он был убежден, что парашют следует раскрывать еще в самолете, а затем Котельникова находил авантюрой: какой там ранец, летчик просто погибнет от рывка спасательного аппарата. Переубедить маститого эксперта было невозможно, устройство забраковали.

В начале 1912 года наконец повезло: руку помощи протянул купец Вильгельм Ломач. Первые испытания парашюта удалось провести в июне 1912-го с помощью автомобиля. Машину разогнали, Котельников дернул за спусковой ремень, и привязанный к багажнику парашют безукоризненно раскрылся. Так возникло новое изобретение — воздушный тормоз, который впоследствии станут использовать при посадке самолетов и гоночных автомобилей.

Котельников самостоятельно изготовил фигуру «испытателя»: огромная кукла весила 80 килограммов, а назвали ее Иваном Ивановичем. Внешне — пышными седыми усами, внушительными бакенбардами и насуспенным выражением тряпичного лица — она

напоминала Кованько. Кстати, традиция называть испытательные манекены Иванами Ивановичами жива до сих пор. Это славное имя носили, к примеру, наши первые «космонавты», деревянные предшественники Юрия Гагарина.

Генеральная проверка состоялась спустя несколько дней в районе деревни Салюзи, под Петербургом. «Ветра не было, и манекен встал на траву ногами, стоял так несколько секунд и затем только упал», — вспоминал участник эксперимента. Грянуло «Ура!». Собравшиеся поняли, что присутствуют при рождении чуда. Повторные опыты подтвердили правоту конструктора: страна получила уникальное спасательное средство для летчиков — РК-1 (русский, Котельникова, первая модель).

Следующей зимой фирма «Ломач и К°» представила его на конкурсе в Париже. Сам изобретатель в те дни приехать во Францию не мог: театральные дела задержали его на берегах Невы. Французы любят эффектные шоу. Наш спортсмен, отчаянный смельчак Владимир Оссовский прыгнул с парашютом с высокого моста через Сену. Это был триумф. Но первой премии Котельникову не дали. Поступили хитро: переняли задумки русского умельца и постарались внедрить их в производство.

Наше отечественное ноу-хау прогремело на весь мир. К нему проявляли интерес и англичане, но Глеб Евгеньевич мечтал воплотить свою мечту на родине. Снова и снова обивал пороги начальственных кабинетов, спорил, отстаивал свою идею.

Друг советских авиаторов

В начале Первой мировой он служил в автомобильных частях. Вскоре, однако, востребованным оказался его конструкторский талант. Энергичным пропагандистом изобретений Котельникова стал знаменитый летчик, испытатель самолетов «Русский витязь» и «Илья Муромец» Глеб Алехнович. Именно тот убедил командование в необходимости снабжения экипажей многомоторных самолетов ранцами РК-1. Котельников даже получил поручение от командования разработать парашют, который мог бы спускаться с борта «Ильи Муромца» тяжелую пушку.

В годы войны Алехнович совершил более 100 вылетов на «Муромце». В большинстве полетов в его кабине находился ранец с шелковым куполом. Отечественные парашюты в нашей армии оставались в те годы редко-

стью. Россия закупала французские приспособления, сделанные по образцу котельниковского.

После революции ни Котельников, ни Алехнович не помышляли об эмиграции, сумели адаптироваться к новым условиям, продолжили работу, несмотря ни на что.

В 1924-м изобретатель запатентовал спасательное устройство РК-4 — огромную корзину с куполом диаметром в 12 метров. На таком парашюте можно было сбрасывать грузы весом до 300 кг. А два года спустя Глеб Евгеньевич решил отойти от дел, передал все свои изобретения государству. Помогал авиаклубам, которых становилось все больше, выступал с лекциями о парашютном деле. Его называли «Другом советских авиаторов».

Вместе с Александром Родных он работал над капитальным исследованием «История парашюта и развитие парашютизма». В 1930-е парашютный спорт, наряду с авиацией, был неслыханно популярен в СССР. В парках культуры по всей стране строились вышки, с которых можно было совершать прыжки. Газеты писали о рекордах советских парашютистов, а Осоавиахим учредил почетное звание «Мастер парашютного спорта СССР».

Аппараты Котельникова позволили авиаторам совершать свободное парение в воздухе и плавно приземляться. Таких феноменов, как воздушный десант и парашютный спорт, возможно, не возникло бы еще десятилетия, если бы не котельниковское изобретение.

Великая Отечественная застала его в родном Ленинграде. После первой блокадной зимы изможденного, больного изобретателя эвакуировали в Москву. Он продолжал работать. Написанные им книги оказались особенно актуальными. Глеб Котельников подготовил к изданию свою новую монографию «Парашют».

22 ноября 1944 года Глеба Евгеньевича не стало. А его изобретение — великое ноу-хау — существует и поныне. Современные парашюты практически повторяют конструкцию РК-1. В окрестностях Петербурга, на месте первого в мире испытания ранцевого парашюта, установлен гранитный монумент. О подобных свершениях забывать нельзя. Иначе «случай, бог изобретатель» обделит нас новыми открытиями.

Не лыком шиты — ЗОЛОТОМ

Андрей Самохин

Единственное в России предприятие, где золотошвейные изделия выпускают в промышленных масштабах, находится в древнем Торжке. Золотное шитье — знамен и погон, облачений священников и аксессуаров верховной власти, праздничных одежд и обуви, настенных картин и украшений на любой вкус существует тут много веков. В наши дни лишь новоторам — так по-старинному называют себя местные жители — удастся в полной мере сохранять и развивать древний народный промысел.

Торг уместен

Константин Станиславский, известный прежде под фамилией Алексеев, в своем первоначальном, купеческом, амплуа управлял в Москве наследственной золотоканительной фабрикой и поставлял в Торжок драгоценные нити — ведь именно здесь шили одежды для коронации русских царей и других национальных торжеств. В советское время традиция продолжилась, хотя и в несколько иных формах. Под знаменем с выполненной в Торжке вышивкой наши воины в ноябре 1941-го шли по Красной площади на фронт, а в 1945-м там же участвовали в Параде Победы. Изделия местных мастериц и поныне находятся в Георгиевском и Андреевском залах Кремля. Индивидуальные золотые погоны торжокского производства носит министр обороны РФ Сергей Шойгу. В красивых мундирах с вышитыми золотом деталями цегиляют президентский полк и кремлевский почетный караул.

ФОТО: СЕРГЕЙ СУББОТИН/РИА НОВОСТИ

ФОТО: АНДРЕЙ СОЛОМОНОВ/РИА НОВОСТИ

Промысел пришел к нам из Византии. Говорят, что позаимствовала его княгиня Ольга, заприметив и облюбовав во время своего крещения в Царьграде. С тех пор центрами золотного шитья стали православные обители. Возле Борисоглебского монастыря на берегу Тверцы археологи девять лет назад нашли очелье (лобную повязку для волос), расшитое серебряными и золотыми нитями, датированное XII веком. Это опровергает версию о том, что подобное шитье к нам занесли соседи китайцев монголы.

В Новом Торге (старое название Торжка), являвшемся южным форпостом Господина Великого Новгорода, золотошвейное дело возникло благодаря здешним купцам. Со временем мастерицы появились чуть ли не в каждом доме. Согласно местной легенде, в средние века расшитые золотом лоскутки кожи использовались на торгах вместо денег.

Привези мне из Торжка...

В XVII столетии по указу царя Алексея Михайловича в городе был учрежден «сафьяновый двор», на котором производились предметы одежды и обуви. Тогда же, видимо, были срифмованы слова старинной песни: «Привези мне из Торжка два сафьянных сапожка».

В музее при фабрике посетителям показывают красную рукавичку с золотым узором. В стародавние времена каждую осень тут проходили традиционные «Никитские ярманки невест». Девушки, встав в рядок, стыдливо прикрывали лица самосшитыми варежками, а каждый жених выбирал себе суженую по узору на рукавичке.

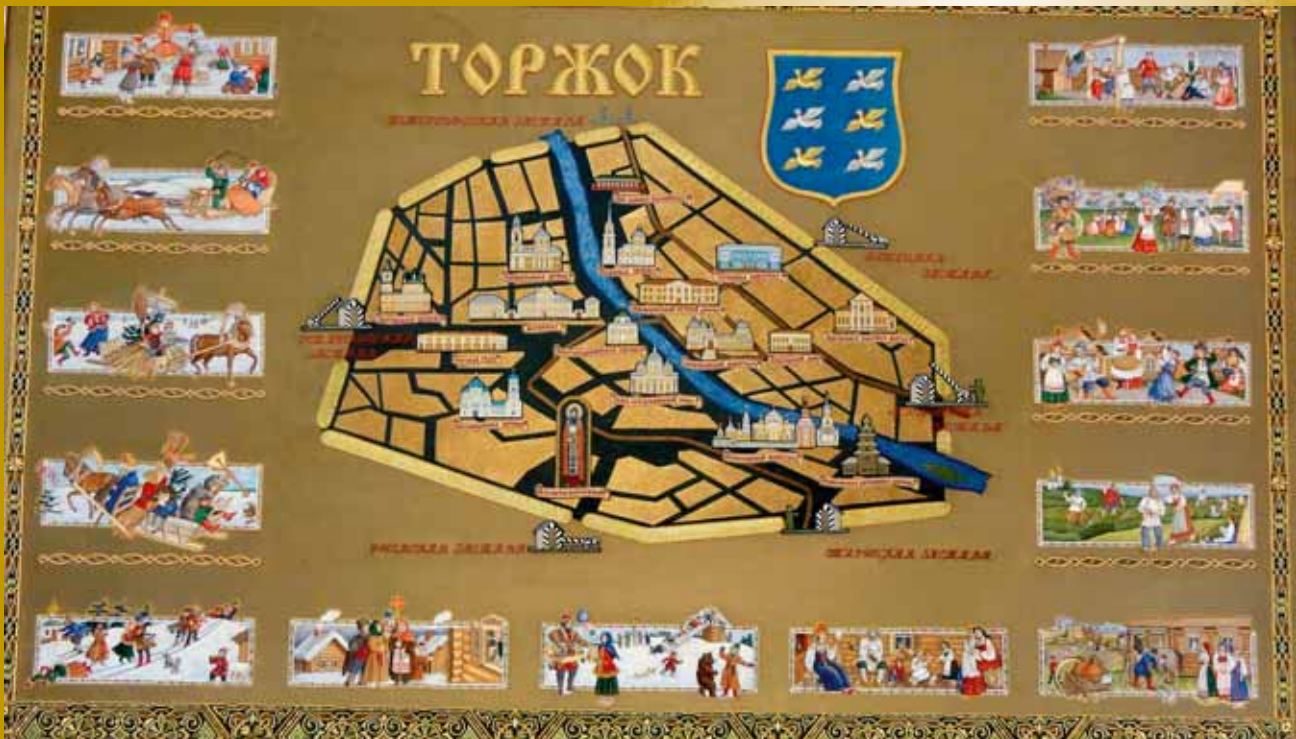

ФОТО: НАТАЛЬЯ ЯКОВЛЕВА

ФОТО: АРТЕМ ГЕОДАКЯН/ТАСС

ФОТО: ИГОРЬ ЗОТИН/ТАСС

Ключевой этап в развитии промысла историки связывают с окончанием в 1830 году Государевой дороги, гравийного шоссе из Петербурга в Москву, проходившего через Торжок. Александр Сергеевич Пушкин, не исключено, приобретал в здешней гостинице (более известной благодаря котлетам, которые готовила хозяйка, Дарья Пожарская) шитые золотом вещи. Одна такая покупка — поясов для княгини Веры — вошла в анналы, поскольку поэт оставил о ней весьма примечательную эпистолярную память. В письме мужу упомянутой дамы, своему другу Петру Вяземскому он рекомендует: «Скажи княгине, что она всю прелесть московскую за пояс заткнет, как наденет мои поясы».

Этнограф-историк Федор Солнцев в середине XIX века зарисовал новоторжских девушек в шитых золо-

том костюмах. Даже наконик содержал нити цвета благородного металла. Вес подобного одеяния достигал иногда целого пуда! «Замужний» головной убор — кичка или платок — тоже был с золотом. Показаться без него на людях значило «опростоволоситься». То же касается поясов: мужских и женских, различных для каждого возраста и всякого звания. Ходить без пояса означало «распоясаться» — с таким (или такой) серьезных дел никто иметь не желал.

В наше время при фабрике создан даже музей пояса. Центральный экспонат — размещенный на круговом пьедестале поясище длиной 12 м и шириной 25 см с вышитым псалмом «Живый в помощи Вышнего». Над созданием этого шедевра два года трудились 37 человек. Пройдешь по кругу — и прочтешь Песнь царя Давида.

Артель имени 8 Марта

Когда мимо Торжка пролегла железная дорога, а прежний тракт потерял свое торговое значение, золотошвейное дело начало хиреть, швеи стали переключаться на другие занятия. Потомственный дворянин, гласный Тверской земской управы, родственник Анны Керн Дмитрий Романов решил предотвратить гибель народного промысла. В 1894-м его стараниями был создан кустарный отдел, который он же возглавил. Мастерницы впервые собрались в артель. А через

пять лет Романов открыл учебно-показательную золотошвейную мастерскую, первое профессиональное училище данного направления. От Морского ведомства получили большой заказ, который помог производству выжить. Дмитрий Дмитриевич создал и музей промысла, куда лично принес образцы старинных вышивок. Выставлялись тут также множившиеся год от года международные награды торжокских рукодельниц.

Революция в значительной мере переориентировала работу тру-

жениц. В 1923 году на базе мастерских была основана профтехшкола, а уже в 1928-м создана «Торжокская золотошвейная артель имени 8 Марта». Через три с лишним десятилетия ее преобразовали в одноименную фабрику, просуществовавшую вплоть до крушения СССР, а затем получившую свой нынешний статус — ОАО «Торжокские золотошвеи». Это тонкое ремесло могут освоить далеко не все: требуются не только умелые пальцы и глаз-алмаз, но и особая усидчивость, и любовь к делу. Когда-то ученицы золотошвей по полгоду всего лишь наблюдали за работой наставниц, прежде чем получить иглы в руки.

В витринах музея, помимо изделий разных эпох, представлены старинные нитки, наперстки, изящные дорожные наборы для вышивания, деревянные пяльцы, шило.

Панно Валентины Гашковой «Плодородие» было передано сюда в 1984-м. Создававшееся в течение девяти месяцев, оно наполнено глубоким философским смыслом: ствол дерева изображен в форме женской фигуры с раскрытыми, как руки, ветвями и сидящими на них птицами-потомками. Подле корней ходят птицы-предки. Пышное орнаментальное платье на женщине-древо и броская узорчатая крона символизируют светлое, богатое добрыми плодами будущее рода. Слева — порхающая бабочка, справа — трудящаяся пчелка. Все вместе чрезвычайно притягательно, это еще и своеобразное учебное пособие, где представлены почти все виды швов — около двухсот.

В работе над панно «Нило-Столобенская пустынь» золотошвей впервые для себя применили аппликационную технику: отдельно выполненные детали органично соединились на одном полотне.

Огромная вышитая карта Торжка с подробными и остроумными сценками из народной жизни по церковным праздникам напоминает круговые клейма на житийных иконах.

В витрине по соседству — дубликат великолепной Плащаницы, изготовленной недавно для Соловецкого монастыря. Шесть мастериц такую вещь создают за полгода, при этом все как будто сделано одной рукой — почерк един, никаких различий в исполнении. Здесь также трудятся над обложками священных книг, реставрацией старых вышитых икон и созданием новых. Благословил на такую работу еще прежний патриарх Алексий II.

Раньше, протыкая иглой полотно будущего образа, вышивальщица произносила: «Господи», а выводя иглу обратно, на лицевую сторону, говорила: «Помилуй» (вариант предельно краткой, сопряженной с ритмом дыхания молитвы).

Ручная красота

Сегодня на фабрике шьют золотом и серебром гербы, платки, скатерти, салфетки, броши, серьги, заколки

для волос. Каждый месяц — 11 тысяч изделий, сотни моделей. Производят и свою особую марку льняной одежды, и многочисленную сувенирку: закладки, театральные сумочки, косметички, очечники, кошельки и прочее.

Многие вещи уداивались профессиональных наград.

На фабрике практикуют два вида вышивки: «совсем ручную» (на пяльцах) и ручную-механизированную, на швейных машинках. Часто они совмещаются в одном изделии. Машинные-автоматы полностью исключены, каждая вещь должна быть согрета теплом человеческих рук.

В просторных цехах — несколько рядов машинок и сидящих за ними вышивальщиц, в отдельном помещении работают с пяльцами. Все трудятся по строгой технологии, по плану и под заказ. «Делаем сложные модели с использованием материалов, которые раньше у нас не применялись», — уточняет начальник технологического отдела Галина Орлова.

Процесс, как водится, поделен на этапы. Вначале художник (один или вместе с модельером) создает эскиз будущей работы в натуральную величину, а технолог выполняет техническую карту, поясняющую, какие стежки на какой стадии применяются и во сколько раз должна быть сложена нить. Рисунок тонким шильцем скальвается на кальку, а затем, пропитанный специальным раствором (чтобы отпечатался), накладывает на материал вышивки. Для пропитки применяют керосин — с синькой или зубным порошком.

Почему керосин? Он быстро проникает через перфорацию, не оставляя на ткани разводов. Побочный эффект — запах, но к нему со временем привыкают. Следующий этап — сама вышивка. В руках у мастерицы всего два инструмента — иголка и шило. Крутится деревянная катушка-витейка — растет на ткани узор. Одна рука колет шильцем, другая, та, что с иголкой, в это время находится под пяльцами и уже готова вдеть рабочую нитку в отверстие. А драгоценная нить перекидывается через шитье сверху, оставаясь лишь на лицевой поверхности. Повторные действия с иголкой и шильцем приводят в результате к тому, что золотистая или серебристая ниточка занимает предназначенное ей место. Такой вид работ называется «шитьем вприкреп» — старый способ экономить драгметаллы и облегчать примерно вдвое будущее изделие.

Еще одна хитрость используется в создании выпуклых деталей: шитье глухим односторонним швом (его

ФОТО: PHOTOPRESS

ФОТО: PHOTOPRESS

ФОТО: АРТЕМ ГЕОДАКЯН/ТАСС

образуют плотные параллельные стежки), с применением подложки или, как говорили в старину, «по карте». Снизу — обычная нить, сверху — металлизированная. В древности подкладывали бересту, теперь — трафарет из картона или натуральную кожу, если предполагается стирка вещи.

Основной состав золоченой нити (ее, а также канитель для вышивки погон закупают в поселке Денисово Владимирской области) — латунь на хлопчатобумажной основе с добавлением золота или серебра, от 5 до 8 процентов.

Почему не шьют чистым золотом или серебром? Помимо эко-

номии, принимается во внимание такое соображение: драгоценные нити, которые действительно использовали до XIV века, недолговечны, быстро ломаются. По этой причине нитку раньше окручивали тонкой золотой или серебряной фольгой, пока не пришли к современной, практичной металлизации.

Для выделки четких изображений (например, воинских знаков различия) изготавливается клише: на небольшом прессе наносится удар молотом по металлическому листу, под который подложен картон. Полученная форма обшивается канителью — металлической

проволокой, свернутой в спираль и полой внутри. Фразеологизмы «тянуть канитель», «канительиться» некогда означали то, что производить такую нить — дело весьма долгое и трудоемкое. К тому же полученная пружинка чрезвычайно капризна: чуть сильнее потянешь, и она разъедется, обратно уже не заправишь.

По словам Галины Орловой, стабильность на предприятие пришла лет десять назад, после покупки фабрики предпринимателем Олегом Ивановым. До этого трудились неполную неделю, урывками, что, конечно же, отражалось на зарплате. Как на многих народных промыслах, работники пытались сами сбывать продукцию.

Генеральный директор ОАО «Торжокские золотошвей» Сергей Чувашов рассказывает, как удалось «выплыть».

— В 2010-м, когда мы пришли сюда всей нашей командой, фабрика была на грани банкротства. От тысячи работниц, что находились здесь в лучшие советские времена, остались полторы сотни. Сегодня — уже больше 350 и текучки нет. Хозяин фабрики Олег Алексеевич — настоящий патриот Торжка, уважает его вековые традиции. Именно это — в сочетании с коммерческим талантом — стало главным секретом нашего успеха. Есть и проблемы, прежде всего — с притоком молодых кадров. Вместо прежнего полноценного училища в Торжке сохранилось лишь отделение художественной вышивки при педагогическом колледже: 25–30 выпускников в год, и далеко не все из них идут на фабрику. Молодежь стремится найти что-нибудь попроще, чтобы сильно не утруждаться. Хотя заработать себе на кусок хлеба на нашем предприятии вполне можно.

Уникальной золотошвейной фабрике в славном и очень гостеприимном Торжке исполнилось в этом году ни много ни мало — 125 лет.

Столица и усадьбы

Село Ивановское и его обитатели

Виктория Пешкова

Усадьба Ивановское в подмосковном Подольске, известна меньше, чем соседние Дубровицы. Между тем в хрониках ее найдется немало событий, достойных внимания потомков, равнодушных к истории Отечества. Головины, Толстые, Закревские, Бобринские, Бахрушины — неординарным личностям всегда удавалось найти свое место в калейдоскопе сменяющих друг друга эпох.

ОБЫЧАЙ жаловать землями за верную службу государю и Отечеству на Руси всегда был проявлением здорового практицизма — бескрайние просторы обживать надобно, и владелец приложит к этому больше старания, нежели наемный управляющий. В XVII столетии хозяевами здешних мест стали царские окольные — по тем временам второй в иерархии думный чин — Иван и Алексей Головины, служившие первым Романовым — Михаилу Федоровичу и Алексею Михайловичу. Сельцо Ивановское и название свое получило по родовому имени Головиных, только заложено оно было в полуверсте ниже по течению Пахры от того места, где стоит нынешняя усадьба. Были там и двухэтажный деревянный барский дом, и хозяйственные постройки, и церковь. Старинный боярский род владел этими землями на протяжении 130 лет, пока не достались они другому, не менее знатному, но увы, небогатому семейству.

К разорению некогда весьма состоятельную фамилию привел первый граф Толстой — Петр Андреевич. Хитрый царедворец, выступавший как сподвижник царевны Софьи, после ее

«ПОРТРЕТ АГРАФЕНЫ ЗАКРЕВСКОЙ», МИНИАТОРА С ПОРТРЕТА Д. ДОУ

свержения перешел на сторону Петра. Именно он, будучи облеченным особым доверием царя, организовал возвращение в Россию его взбунтовавшегося наследника. Вот это деяние ему и аукнулось, когда на трон сел сын убитого царевича Петр II. Толстого лишили титула, состояния и сослали на Соловки, где он и умер. Придя к власти, императрица Елизавета Петровна, жалую преданных батюшке людей, вернула его внуку Андрею Ивановичу графский титул, но прежнему богатству взяться было неоткуда.

Скромное именье Ивановское приобрел пятый из сыновей Толстого (всего же у графа, прозванного «Большое гнездо», было два с лишним десятка отпрысков, из которых до зрелых лет дожила почти половина) Федор Андреевич — тайный советник, сенатор, член Общества любителей российской словесности и известный библиофил. Их сиятельство приглядело себе в супруги богатую наследницу — Степаниду Алексеевну Дурасову, приходившуюся внучкой сибирскому золотопромышленнику Ивану Мясникову. Федор Андреевич сделал неплохую военную карьеру, но душа его лежала к мирным занятиям, и приданое жены он употребил на обустройство милого его сердцу Ивановского.

На высоком берегу Пахры граф выстроил двухэтажный каменный дом с двумя отдельно стоящими одноэтажными флигелями, разбил парк и проложил подъездную аллею. С тех времен сохранились каменные плиты, которыми был вымощен подъезд к дому, одна из двух парадных лестниц на второй этаж и обнаруженный при раскопках барельеф с улыбающимся львом — фрагмент аркатурного пояса, обрамлявшего некогда это прекрасное здание. Скульптура льва вен-

чала и арку подъездных ворот, и легенда гласит, что вид у него тоже был очень приветливым.

Наследницей родительского богатства стала единственная дочь Толстых — Грушенька, которую отец, в отличие от холодной и чопорной матери, любил больше жизни. Завидная невеста Аграфена Федоровна, приданое которой составляло 300 000, была, как водится, представлена ко двору и назначена фрейлиной. Император Александр I подыскал девице и достойного жениха — блестящего офицера, героя войны 1812 года, участника Заграничного похода, а к тому моменту дежурного генерала Главного штаба Арсения Закревского. Единственным недостатком суженого была бедность и скромность происхождения, но это не пугало невесту, воспитанную, как и пушкинская Татьяна, на французских романах. В ее глазах это даже придавало свадьбе ореол романтизма.

После смерти жены граф, который ни в чем не мог отказать дочери, передал усадьбу ей и зятю. Закревские решили расширить родовое гнездо: центральная

Д. ДОУ. «ПОРТРЕТ АРСЕНИЯ ЗАКРЕВСКОГО», 1820

часть дома стала трехэтажной, к ней еще и пристроили два крыла с ризалитами, надстроили флигели вторым этажом, открытые переходы превратили в каменные галереи. Общее число комнат превысило две сотни, и здание, покоем обнимающее парадный двор, обрело едва ли не дворцовое величие.

Вдоль подъездной аллеи высадили по два ряда берез. В самой высокой ее точке открывался прелестный вид на все усадебные строения. Сегодня на месте этого зеленого коридора — городская улица с плотной застройкой. О былом великолепии свидетельствует только фотография, сделанная в 30-х годах для общества охраны усадеб. Да еще белоснежные пропилены у ворот, которыми Закревские заменили обветшавшую

арку толстовских времен. В сумерках в них зажигались огни, издали указывавшие дорогу гостям.

Федор Толстой с самого начала определил Ивановское как место отдохновения. Сельское хозяйство как статья дохода в имении отсутствовало, обеспечивая только нужды его обитателей. Зато рядом с домом граф выстроил театр с двусветным залом в центре и двумя оранжереями по бокам: в неласковом российском климате высшим шиком было давать представления на фоне экзотических растений — «пришлецов, припльвших океаном». Аграфена Федоровна, страстно любившая искусство, сделала театр центром усадебного мира.

Однако вскоре его пришлось перенести. В 1821 году церковь, возведенная при Головиных, обветшала. Синод не нашел средств на ремонт, и ее пришлось разобрать. Но для дворянской усадьбы отсутствие храма — вещь невозможная. Арсений Закревский получил разрешение обустроить домовую церковь прямо в главном доме. Поскольку алтарная часть должна быть обращена к востоку, пристраивали его к восточному крылу здания. Театр отстоял от храма на каких-то два десятка саженей, что было против церковных установлений, и для него возвели пристройку с противоположной, западной стороны дома. На его вполне поместительной сцене с дивной акустикой играли приглашаемые хозяйкой артисты Императорского Малого театра. На представления съезжалась вся московская аристократия.

Считается, что любовь ветреницы Грушеньки к своему мужу, который был старше ее на 14 лет, иссякла довольно быстро. Между тем она, совершив достаточно продолжительный вояж по Европе, вернулась в Россию и даже последовала за супругом в Финляндию, куда Закревский был назначен военным генерал-губернатором. И тогда, и позже, когда тот занял аналогичный пост в Москве, Аграфена Федоровна немало сил тратила на то, чтобы поддерживать статус мужа. К примеру, когда в 1850 году в храме Знамения Пресвятой Богородицы в Дубровицах завершилась реставрация и на ее результаты захотели взглянуть младшие сыновья Николая I — великие князья Михаил и Николай, Арсений Андреевич сопровождал их в поездке, а Аграфена Федоровна устроила в Ивановском прием в их честь с ужином, фейерверком и... любительским спектаклем. Все занятые в нем «артисты» принадлежали исключительно к высшему московскому обществу.

Поставил действо актер Малого театра Сергей Соловьев, выбрав пьесу Александра Шаховского «Казак-стихотворец», с успехом шедшую в Мариинском театре. Дамы, узнав, что в спектакле всего одна женская роль, умоляли графиню придумать что-нибудь, чтобы и у них была возможность блеснуть талантами перед царственными гостями. Пришлось Соловьеву специально для них дописать сцену выхода казацких жен

и дочерей с «казацкой» же пляской в ритме мазурки. Публика была в восторге, танец был повторен на бис, а спектакль позже сыграли уже в московском доме Закревских в Леонтьевском переулке. В его мемуарах сохранилось описание театрального зала: 150 стульев, обтянутых малиновым бархатом, такой же занавес с золотыми кистями, стены и потолок расписаны амурами и сильфидами, а в глубине сцены тканая шпалера с пейзажем — вид на дворец со стороны реки.

«Золотая пора» Ивановского, длившаяся почти столетия, закончилась, когда Закревским пришлось продать усадьбу. Косвенной причиной тому стала их единственная и горячо любимая дочь, далеко превзошедшая мать по части ветрености. В 1847 году Лидия Закревская вышла замуж за Дмитрия Нессельроде, известного дипломата, сына всесильного министра иностранных дел: отцы семейств были дружны еще со времен военной службы. Но молодой муж — серьезный, прекрасно образованный, обладавший безукоризненными манерами и очень дороживший своей репутацией, по-видимому, оказался для Лидочки слишком «правильным». Счастливо начавшийся брак вскоре треснул. Произведя на свет наследника, нареченного Анатолием, графиня уехала в Европу лечить расшатавшиеся нервы и не нашла для этого лучшего средства, чем бурный роман с сыном знаменитого писателя — Александром Дюма-младшим, только-только вкусившим славы автором «Дамы с камелиями». Скандал оказался столь громким, что муж был вынужден приехать во Францию и вмешаться. Учитывая высокое положение свекра, Лидию сочли недостойной воспитывать сына, и мальчика забрали Нессельроде. Примирить разъехавшихся дочь и зятя Закревским не удалось.

Развод в те времена был ситуацией исключительной, добиться его было почти невозможно. Но красавица Лидия снова влюбилась и настолько серьезно, что собралась... замуж при живом супруге. Избранником ее стал чиновник по особым поручениям князь Дмитрий Друцкий-Соколинский. И Арсений Андреевич, в отчаянном стремлении устроить счастье обожаемой дочери, поставил на карту полвека беспорочной службы. Он составил документ, согласно которому та могла снова вступить в брак, уговорил священника маленькой приходской церкви деревни Шилкино где-то в Рязанской губернии, и Лидочка стала Друцкой-Соколинской, не имея на это никакого законного права. Синод брак не признал. На Закревского обрушился гнев Александра II, потребовавшего его отставки. Молодые обосновались под Флоренцией на вилле Галчетти, куда впоследствии перебрались и родители Лидии.

В 1873 году Аграфена Федоровна продала Ивановское дальней родственнице — Софье Келлер (урожденной Бобринской). По отцовской линии ее род восходит к сыну Григория Орлова и Екатерины II, а

по материнской — к знаменитой боярыне Морозовой. Софья Васильевна истово занималась благотворительностью, состоя в Московском дамском попечительном о тюрьмах комитете. Спектакли в театре стали публичными, и средства от продажи билетов шли на помощь обездоленным. Однако содержание большой, но не дающей доходов усадьбы, равно как и не знающее границ великодушие, ввели графиню в долги, с которыми она не сумела расплатиться. Владельцы ее векселей купцы Бахрушины подали их ко взысканию. Софья Васильевна в погашение долга хотела продать им Ивановское за миллион рублей, но те давали только 250 тысяч. В результате по решению суда недвижимая часть имения доставалась заимодавцам, движимость — должнице. Она оказалась да-

цы относились к строениям и парку очень бережно, соблюдая предписание не портить лепнину, росписи, дверные и оконные проемы. Сохранялась хотя бы тень былого великолепия. Но обитателей становилось все больше, а места все меньше, и настало время, когда в ста с лишним «квартирах» обитало более 400 жильцов. Клетушек понаделали даже в двусветном бальном зале. Коммунальный «улей» просуществовал до 1974 года.

— Трудно даже представить, — продолжает Наталия Григорьевна, — что случилось бы с усадьбой, если бы не бывший директор Подольского машиностроительного завода им. Орджоникидзе Алексей Арсентьевич Долгий. Он обивал пороги, доказывая необходимость сохранить особняк для будущих поколений. Вняв его

В. БОРИСОВ-МУСАТОВ. «ЛЕТНЯЯ МЕЛОДИЯ», 1904

мой с крутым характером, в предков, и разрешила своим крестьянам вывезти из дворца все, что смогут, а в любимой оранжерее велела открыть окна. Дело было в ноябре, и все деревья, за исключением четырех персиков, погибли. Так Ивановское, которое могло стать одним из богатейших подмосковных музеев усадебной культуры, было разорено задолго до того, как над Россией начали клубиться вихри враждебные.

— Бахрушины, — рассказывает заведующая экскурсионно-просветительским отделом музея Наталия Чекрѣкчиева, — завладев Ивановским, не только сами проводили здесь лето, но привозили сюда на отдых воспитанников созданного ими Пятницкого приюта для детей-сирот. В 1916 году на семейном совете было принято решение передать усадьбу Московскому городскому управлению под санаторий для детей, страдающих костным туберкулезом. В 1919 году его закрыли, устроив здесь общежитие для эвакуированных рабочих и служащих Петроградского оптико-механического завода. Так началась «коммунализация» усадьбы. Поначалу новые жиль-

довам, средства на ремонт и реставрацию выделил Государственный комитет по профессионально-техническому образованию РСФСР. И Долгий взял на себя организацию этого сложного процесса. Помогал ему в этом Борис Алексеевич Папилов, директор ПТУ № 27. Воспитанники училища принимали самое активное участие в реставрационных работах. И когда в 1987 году встал вопрос, что делать с усадьбой дальше, было принято решение открыть здесь музей профтехобразования. Так у нас под одной крышей сосуществуют история давняя и не очень. Наши посетители с удивлением обнаруживают, что советские ПТУ готовили настоящих умельцев, в нашей экспозиции есть подлинные раритеты, получившие в свое время международное признание. Главной же нашей тревогой является удручающее состояние дворца: реставрация, проведенная в середине 80-х, не была строго научной, на многое просто не хватило средств. Тогда важно было спасти здание от разрушения, но если сегодня не предпринять необходимых мер, она снова окажется на краю гибели.

Т. Лиознова и В. Тихонов
на съемках фильма
«Семнадцать мгновений
весны». 1973

У каждого мгновенья свой резон...

Николай Ирин

Образ дамы-режиссера, поставившей «Карнавал», «Три тополя на Плющихе» и «Семнадцать мгновений весны», давно и основательно «забронзовел». Между тем Татьяна Лиознова — не идол, которому надо бить поклоны. Гораздо продуктивнее — опознать ее в качестве художника актуального и бесконечно живого. Мало кто представляет себе, до чего же мощные силовые поля замыкаются на эту фигуру.

НЕОБХОДИМО усилие для того, чтобы трезвый взгляд на вещи утвердился в качестве нормы. В случае с Татьяной Михайловной это тем более важно, поскольку ее учитель, вгиковский педагог Сергей Герасимов мужественно и последовательно культивировал соцреалистический метод. Его пристрастие к «жизни как она есть», тяга к системному социальному анализу, глубокая внутренняя потребность просвещать и воодушевлять «человека из низов» были восприняты многочисленными учениками как единственно возможный метод.

Рассуждая о Лиозновой, не помешает бегло проанализировать оппозицию Тарковский — Герасимов. Андрей Арсеньевич воплощал тот значимый тип сознания, который ориентируется на сферу невидимого, интеллектуалов сверхтонкой настройки, а также «мировые стандарты». Для подтверждения эффективности его художественных приемов достаточно гениального «Сталкера», который в изысканной форме повествует о материях неосязаемых и

20

июля

95

лет со дня
рождения

«Рано утром»

ФОТО: РИА НОВОСТИ

непостижимых. Публикация дневников Тарковского показала: он весьма жестко оценивал приземленный реализм Герасимова, трактуя его как игры в лояльность и даже как борьбу за поощрительные премии советского образца.

В середине 1960-х — когда продвинутая интеллигенция начала всерьез задумываться о неподобающем стиле советского распределения, сильно травмировавшей ее уравниловке, когда потребность дистанцироваться от народа, кажется, превратилась в социальный заказ, стремление сломать систему вкупе с пролетарским государством как таковым — две ученицы Герасимова, Кира Муратова и Татьяна Лиознова, производят схожие по наполнению и не очень значительные в плане общественного резонанса картины о «людях, проще некуда» — «Короткие встречи» и «Рано утром». Столичная общественность замечать подобные фильмы уже не желает — они воспринимаются как уступка монстру-государству, оскорбительная для сверхтонких и сверходаренных законодателей дискурса. К этому времени Татьяна

Михайловне больше сорока. За спиной семестр учебы в авиационном институте, актерско-режиссерская мастерская Герасимова — Макаровой и много-много мелкой моторики: распределение на Киностудию имени Горького с увольнением оттуда в период малокартинья; работа швеей в компании с матерью и подругой; участие с подачи Герасимова в плохо поддающихся оценке театральных постановках.

«Память сердца»

ФОТО: КИНОСТУДИЯ ИМ. ГОРЬКОГО/ИТАР-ТАСС

Трудилась помрежем, вторым режиссером, ассистентом постановщика, помощником монтажера. «Даже полы мыла и убирала окурки за всеми, кто сидел. И что, это плохо, что ли, да? — оживлялась Лиознова, будучи уже в преклонных годах. — Это замечательно было! Потому что потом, как выяснилось, меня никто не мог обмануть в работе. Мои сотрудники мне все сразу были видны».

Долгое время она была, что называется, на подхвате у Герасимова и Станислава Ростоцкого. Когда ее снова зачислили в штат студии им. Горького, участвовала в худсоветах, занимая позицию активную и, скорее, охранительную, многих раздражавшую: дескать, кто ты такая, чтобы иметь собственное мнение?!

Немолодая женщина без мужа и детей, с обожаемой мамой на попечении, первую полнометражную картину «Память сердца» (1958) поставила по ходячему сценарию. Как ощущала себя в среде, где уже вовсю бурлило, где режиссеры, включая основательного Бондарчука, утонченного Худиева, углубленного Тарковского, изобретательного Рязанова, делали значимые художественные открытия, завоевывали весомые награды и общественное признание?! Забавно, но мужчины сполна реализуются,

ФОТО: РИА НОВОСТИ

СТОП-КАДР

«Серый» фильм с фактически нулевым сюжетом провоцирует выросших на иной идеологии зрителей примерно на такие, во многом симптоматичные комментарии: «Сейчас он смотрится ужасно — такая предопределенность и скудость жизни. Ужас! У главного героя ничего не происходит»; «Показана однообразная рутинная жизнь, ни путешествий, ни интересных развлечений и приключений. И речь при этом идет о молодых людях!»

Интрига от замечательного советского бытописателя Веры Пановой, действительно, скудна: Алеша и его младшая сестренка Надя еще в 50-е остаются без родителей. Взрослеющий юноша отказывается отдать девочку в детский дом.

Ее мечтает забрать к себе в Архангельск бездетная тетя, но ребята отказываются разлучаться. Личная жизнь парня не складывается, зато удается более-менее успешно трудиться на заводе, где он дорастает до бригадира и хорошего наставника. Надя взрослеет и устраивается на фабрику закрыщицей:

терпеливо и при этом интенсивно проживать повседневность. Кто хочет верно оценить масштаб ее личности и стилистику, тот, вдобавок к широко известным картинам, должен увидеть «Рано утром» (1965) по сценарию Веры Пановой.

если точно выстреливают в начале. В случае медленного накопления рутинных впечатлений закидают — не выдерживают как раз того, что требует мелкой моторики. Коллеги, видимо, проецировали на крутившуюся рядом — в соседних павильонах и на киношных форумах — миниатюрную черноглазую женщину собственные представления о реальности, не оставляя ей ни малейшего шанса вырваться из мелкотемья и безвестности.

Самое интересное и самое важное в ее натуре — умение

ФОТО: РИА НОВОСТИ

СТОП-КАДР

«рано утром» — ей на проходную, вечером — несмелые, по-сиротски наивные попытки чего-то достичь на личном фронте...

Все это очень похоже и на внимательную к простактам интонацию ранней Муратовой, и на поэтику иранских кинематографистов, которые, по-честному обслуживая запросы низов, впоследствии доросли до всех мыслимых кинорегалий — от высших Каннских призов до «Оскаров». Но у нас легализовать подобное кино в качестве выдающегося художественного свершения непросто даже теперь, когда Лиознова «канонизирована».

Стандарт, предписывающий считать успешными лишь внешне яркую биографию и жизнь с блесками, утвердился давно, всерьез и надолго. Тем самым была поставлена под сомнение ценность десятков миллио-

нов советских судеб. Хорошо хоть с регулярностью воспевают героев войны. Чего не скажешь о тех тихих, мирных людях, у которых не доставало ни хватки, ни сноровки, ни житейской ловкости, ни шанса на подвиг. Про них если и не говорят, то думают прохладно-пренебрежительно.

«Рано утром» — пример уникального соответствия лаконичной художественной формы и аскетического способа культивировать достоинство на любом месте — там, куда определила чело-

века судьба. Уникальный талант Татьяны Михайловны проявляется здесь в том, как решительно отсекает она любые «интересности», по-видимому, все-таки встречавшиеся на жизненных путях Алеши и Нади. Набухло очередное фабульное клише: режиссер намеренно блокирует облегающую просмотр развлекуху. Фильм Лиозновой подобен долгой молитве: труд и забота, ответственность и внимательность, сосредоточенность и человеческая солидарность подаются как значимые категории, а пресловутые «развлечения с приключениями» не рассматриваются в качестве ценностей вообще. Таков ее выбор, такова парадигма мышления.

Отсюда, из не оцененного по достоинству фильма, произрастают и образ главной героини «Трех тополей...» (1967), и некоторые личностные свойства Исаева-Штирлица.

Приезжая Нюра отказывается от заманчивого «приключения» и даже от мысли о таковом. Герой Олега Ефремова тут в прямом смысле соблазнитель: природ-

СТОП-КАДР

ной красавице из деревни трудно с неласковым мужем, она «неокультурена», затюкана, чего ж не помочь с переменой участи? Женщина тем не менее отказывается от невинной автопрогулки по Москве. Особый эффект достигается за счет того, что высшую форму смирения воплощает на экране яркая и сильная Татьяна Доронина.

Относительно Штирлица известно ироническое высказывание Эльдара Рязанова: дескать, бесполость советского разведчика удручает. Надо полагать, имелась в виду неготовность персонажа Вячеслава Тихонова демонстрировать в кадре броский, джеймсбондовский мачизм, его явное или подспудное стремление слиться с окружающей средой, пейзажем или интерьером.

Что ж, у каждого мастера свои художественные задачи, своя жизненная программа. Татьяна Лиознова и в случае с «Рано утром», и на съемках «Семнадцати мгновений...» создавала не только «картину-молитву», но и «фильм-инструкцию». Наученная Герасимовым, она всегда апеллировала к массам, к тому «молчаливому большинству», которое в своем метафизическом сиротстве неизбежно терялось перед новыми цивилизационными вызовами. Лиознова как бы говорит этим неуверенным в

ФОТО: КИНОСТУДИЯ ИМ. ГОРЬКОГО/ИТАР-ТАСС

своим праве на достоинство людям: вы — самые правильные, успешные, вам не нужно стыдиться вашей неброской простоты. Ваша аскеза — свята, ваше повседневное усилие — героизм.

Изо дня в день, из года в год, в советской пролетарской среде или в логове врага они методично выполняли то, что назначено. Режиссер передоверяет персонажам собственную философию, обеспеченную и достоинством, и любовью к своей стране: род занятий значения не имеет, лоск и одежда — аналогично. Вспоминая на закате дней работу помрежем на съемках «Молодой гвардии», Татьяна Михайловна сказала: «Это были замечательные времена нашей влюбленности в нашу жизнь».

А еще она поведала о ненавязчиво преподанных уроках этики: «Нас учили добру, нас учили пониманию, что такое тонкие человеческие чувства, товарищество, взаимовыручка. Пониманию, что такое человек и его проявления в лучших человеческих качествах».

Ее нежелание становиться хоть на одну ступеньку выше собственной аудитории поразительно. Ведь в те времена так уже было не принято. Общество медленно, но верно (и необратимо) расслаивалось, художники возносились и заносились, однако Лиознова порче не поддавалась. То, как «Семнадцать мгновений весны» сочетают изысканность формы и запредельный демократизм, в нашем киноискусстве беспрецедентно. Татьяна Михайловна серьезно обиделась, когда ей вручили орден с формулировкой «за участие в работе над фильмом». Ведь это все остальные «участвовали» в ее великом проекте, а она-то как раз была демиур-

СТОП-КАДР

гом, творила вещь не просто паразитильную, но весьма рисковую, во многом — поначалу — неочевидную, такого кино попросту не должно было быть!

В конце 1960-х Владимир Басов стал чемпионом кинопроката с четырехсерийной картиной «Щит и меч». Она была выполнена в «сновидческой» манере, что абсолютно подходит для любой приключенческой истории, тем более про разведчика, никому, кроме Центра, в своей основной ипостаси не видимого. Тема закрыта? Вовсе нет, Лиознова беретса делать нечто подобное в документальном ключе, по заветам Герасимова.

Казалось бы, разве сей метод приемлем, неужели станет народ с интересом следить за антиприключениями на протяжении дюжины серий? Тем более, с учетом того, что исходный роман Юлиана Семенова совсем невелик, — зачем раздувать? И с какой стати дамарежиссер со студии им. Горького, снимавшая ленты про рабочих с крестьянами, решила переквалифицироваться в мастера боевиков?

Наверное, когда-нибудь мы узнаем историю внутренней кухни: кто и как долго над Лиозновой с ее

проектом смеялся, кто и насколько искренне недоумевал. Известно, например, что великолепно прочитавший закадровый текст артист БДТ Ефим Копелян, возвращаясь после очередной записи в ленинградскую богемную среду, высказывался о картине, мягко говоря, нелицеприятно. Ну а как он мог вообразить себе результат, если

ФОТО: МАКС АЛЬПЕРТ/РИА НОВОСТИ

И. Муравьева, А. Ливанов, Т. Лиознова и Л. Куравлев на съемках фильма «Мы, нижеподписавшиеся»

ничего, подобного «Семнадцати мгновениям...», прежде в природе не существовало? Татьяна Лиознова шла от жизни, данной ей в ощущениях, от воспринятых сердцем заветов учителя, никого при этом не копируя, ни у кого эстетически не одалживаясь.

Модель ее отношений со зрителем формировалась в общении с матерью, женщиной едва грамотной, зато открытой миру. Татьяна Михайловна признавалась: «Откуда у меня такое отношение к кино, к искусству? К чуду, которое они нам дарят? От мамы. Мама — простая женщина с тремя классами сельской школы, при абсолютной душевной одаренности, доброте и расположенности к миру. Садилась перед маленьким телевизором и — ее не трогай. Она ждет чуда. Я подумала тогда: ведь таких много, у кого-то это, может, единственное чудо. Люди его ждут, как же их обмануть в этом?! Нельзя».

Лиознова совершила подвиг. Благодаря ее грандиозному произведению в нашу коллективную психику подселились вымышленные герои, чье существование отныне достоверно и неоспоримо. Те, кто это внедрение осуществил, не просто гении — изобретатели национальной идентичности, прорабы державного строительства.

Культурный слой

Максим Сырников

Знаменитая русская кулебяка, воспетая нашими классиками от Крылова и Гоголя до Чехова и Гиляровского, представляет собой особенный, много-слойный пирог, причем с блинами. Зачем здесь последние, к чему это «тесто в тесте»? Нужны они для того, чтобы внутри кулебяки было несколько аппетитных слоев, чтобы начинка не смешивалась, а при разрезании готового пирога — не рассыпалась.

ЧЕХОВ говорил: «Кулебяка должна быть аппетитная, бесстыдная, во всей своей наготе, чтоб соблазн был. Подмигнешь на нее глазом, отрежешь этакий кусище и пальцами над ней пошевелишь вот этак, от избытка чувств. Станешь ее есть, а с нее масло, как слезы, начинка жирная, сочная, с яйцами, с потрохами, с луком...»

Да и невольно подслушанное Чичиковым указание повару помнят многие: «Да кулебяку сделай на четыре угла. В один угол положи ты мне щеки осетра да вязигу, в другой запусти гречневой кашицы, да грибочков с лучком, да молок сладких, да мозгов, да еще чего знаешь там этакого».

«На четыре угла» наш пирог делать не станем, гречневую кашу заменим «сарацинским зерном», то бишь рисом, но старинную технологию приготовления кулебяки соблюсти необходимо.

Из рыбы возьмем палтус и нерку, из грибов лучше всего подойдут белые.

Рис тщательно промоем, откинем на сито и, стряхнув лишнюю воду, переложим в кастрюлю.

Зальем 1,5 стакана кипящей воды, посолим, закроем крышкой, доведем до кипения и будем варить на небольшом огне 15 мин. На четверть часа укутаем кастрюлю одеялом, затем откроем, рис перемешаем и остудим.

Для блинов замесим жидкое тесто из муки, соли, ½-1 стакана теплой воды и масла. Станем выпекать тонкие блинчики, смазывая сковороду маслом.

Рыбное филе порубим и обжарим на среднем огне в 2 ст. л. масла 3–4

мин. Снимем с огня, посолим и поперчим по вкусу.

Измельченные грибы поджарим с нарезанным тонкими кольцами луком.

Немного теста отложим для украшения. Раскатаем основной кусок на полотенце в пласт толщиной 1 см. Разложим рыбную начинку, затем блинчики в один слой, после — грибы с луком, далее — снова блинчики, а потом — на самый верх — выложим отваренный рис. Защипнем тесто над начинкой и аккуратно, с помощью полотенца, перевернем на противень защипом вниз. Перед тем как выкладывать слои начинки, можно положить на тесто кусочки сливочного масла: оказавшись при выпекании сверху, оно будет пропитывать весь пирог.

На поверхности сделаем несколько небольших отверстий для выхода пара, смажем кулебяку крепким чаем. Выпекать в разогретой до 180° духовке 30–50 мин.

На 8–10 порций:

- * 1,5 кг теста
- * 700–800 г филе жирной рыбы (палтус, нерка)
- * 2 стакана измельченных белых грибов
- * 1 стакан среднезерного риса
- * 4 средние луковицы
- * 6 ст. л. постного масла
- * 100 г сливочного масла (для пропитки начинки внутри пирога)
- * Соль, молотый черный перец

Для блинчиков:

- * 5 ст. л. с горкой пшеничной муки
- * 1 ст. л. постного масла плюс еще сколько нужно для выпекания
- * Соль

ФОТО: СЕЛИМХАНОВ/РИА НОВОСТИ

В. МУХИНА. «ПАРТИЗАНКА», 1942

Своя

ИЮЛЬ—АВГУСТ 2019

КУЛЬТУРА
Духовное пространство русской Викики